W 499/2321

Николай Винченко

Женское образованіе въ Россіи

Николай Зинченко.

Неустанно-мужественному борцу за Русь святую

Женское образованіе въ Россіи.

от признательного Николая Зинченко

19/II 03 Петроград.

Историческій очеркъ.

25167

С.-Петербургъ.

Цѣна 30 к.

2007099461

W 499/2321

Николай Зинченко.

Женское образованіе въ Россіи.

Историческій очеркъ.

С.-Петербургъ.

ф 19688-43.

Дозв. ценз. С.-Петербургъ, 24 авг. 1901 г.

Комм. скор. Лиг. 57.

„Народное просвѣщеніе составляетъ главную опору государства и источникъ его благосостоянія, а потому выгодами просвѣщенія должны пользоваться всѣ лица безъ различія пола и званія".

Проектъ устава учебныхъ заведеній 1856 г.

„Женщина—это форма, въ которой плавится человѣчество".

Amedée Vignola.

„Въ странѣ, гдѣ женщины унижены, цивилизація дряхлѣетъ: тѣ же государства, гдѣ женщина образована, могутъ надѣяться на блестящую будущность". Жонво.

„Міръ женщины" есть вѣрнѣйшій абрисъ какъ физической, такъ и нравственной жизни народовъ; чтобы судить объ обществѣ достаточно знать, какимъ уваженіемъ пользуется женщина".

Amedèo Vignola.

„Ей-ли, русской женщинѣ, столь явно проявившей доблесть свою, продолжать отказывать въ полномъ равенствѣ правъ съ мужчиной по образованію и по должностямъ, тогда какъ на нее-то мы и возлагаемъ всѣ надежды наши въ духовномъ обновленіи и въ нравственномъ возвышеніи нашего общества! Она доказала, какой высоты она можетъ достигнуть и что можетъ совершить".

Ѳ. Достоевскій.

„Наука и искусство могутъ быть открыты для женщины въ такой-же силѣ, какъ и для мужчины". М. Катковъ.

„Не смѣшно-ли почитать женщинъ (которыя такъ часто поражаютъ насъ быстротой понятія и тонкостью чувства и разума) существами низшими въ сравненіи съ нами".

А. Пушкинъ.

Положеніе женщины у каждаго народа есть показатель уровня его культуры въ то или другое время его исторической жизни. Единственной прочной основой націи и государства является школа, дающая законченное образованіе мужчинъ и женщинъ. Въ сравненіи съ шумной агитаціей женскихъ правъ въ Англіи и въ Америкѣ, въ Россіи почти не существовало женскаго вопроса, такъ какъ центръ тяжести этого вопроса для русской женщины лежитъ не въ ея гражданскихъ или политическихъ правахъ, а прежде всего—въ правѣ женщины на образованіе. Невѣжество женщины опаснѣе невѣжества мужчины, потому что всѣ наиболѣе важныя стороны нашей внутренней жизни тѣсно связаны съ вліяніемъ женщины въ семьѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о женскомъ образованіи въ Россіи есть совершенно самостоятельный вопросъ, не зависящій отъ успѣха вопроса объ эмансипаціи женщины. Женское образованіе есть, безспорно, главная основа, на которой построены интересы

семьи и государства; женщина имѣетъ неотъемлемое и преобладающее значеніе въ семьѣ, какъ ближайшая воспитательница и руководительница дѣтей и подруга мужа. Разрѣшеніе вопроса о женскомъ образованіи есть и разрѣшеніе женскаго вопроса вообще.

Просвѣщеніе въ Россіи шло всегда сверху и туго распространялось въ народѣ. Въ вопросѣ же о женскомъ образованіи наше правительство всегда проявляло просвѣщенныя заботы. Движеніе 60-хъ годовъ въ Россіи въ пользу женской эмансипаціи вообще было неудачно и проявилось, для торжества его враговъ, въ уродливыхъ формахъ, но благотворнымъ его результатомъ явилось усиленное стремленіе русскихъ женщинъ къ образованію. Кромѣ того, это движеніе дало русскому обществу много полезныхъ дѣятельницъ на поприщѣ науки и общественной жизни и, вообще, возвысило уровень образованія и духовнаго развитія нашихъ женщинъ, а благодаря этому, возвысилось умственное и нравственное развитіе общества. Въ этомъ смыслѣ женское движеніе, или такъ называемый „женскій вопросъ“ принялъ въ Россіи большіе размѣры и сдѣлалъ блистательные успѣхи.

Изученіе исторіи русской женщины указываетъ, что она болѣе консервативна, чѣмъ мужчина, въ области чувствъ, нравственныхъ воззрѣній и преданій семьи,—но не уступала ему, по мѣрѣ возможности, въ умственномъ просвѣщеніи и въ стремленіи къ прогрессу. Русская женщина, вообще, всегда была прогрессивна, даже прогрессивнѣе женщинъ другихъ государствъ.

Оставляя всѣ другіе доводы въ пользу необходимости женскаго образованія въ Россіи, указываемъ на весьма любопытныя данныя о зависимости женской преступности отъ степени образованія. За періодъ 1876—1885 гг. на 100,000 осужденныхъ женщинъ оказалось въ ‰.

въ общихъ судахъ—	неграмотныхъ . . .	92,60
„ „ „	грамотныхъ	7,11
„ „ „	образованныхъ . . .	0,29
въ мировыхъ судахъ	неграмотныхъ . . .	95,11
„ „ „	грамотныхъ	4,83
„ „ „	образованныхъ . . .	0,06

По вопросу о самостоятельности женщины, до Византійскаго на насъ давленія, въ Славянскихъ обычаяхъ и правѣ,— женщина была лицомъ юридически самостоятельнымъ. Она могла сама дѣйствовать въ судѣ, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ, а именно—иногда поручить дѣло повѣренному, а въ случаѣ судебнаго поединка, — поставить за себя наемника. Но если и истецъ, и отвѣтчикъ были обѣ женщины, то онѣ лично подвергались судебному поединку: „Жонку съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону“, какъ установлено во Псковской Судной Грамотѣ. Мстить за свои обиды женщины допускались даже на Новгородское Вѣче. Польское Право и Чешское Законодательство давало женщинамъ юридическія права и льготы.

До Византійскаго вліянія на Руси не было женскаго затворничества, и женщины играли видную роль: онѣ владѣли волостями, набирали дружину, давали совѣты князьямъ о дѣлахъ; кромѣ того, женщины отличались хитростью, что тогда считалось мудростью, онѣ обладали и чародѣйствомъ и это придавало имъ нравственную силу. Даже и въ XV вѣкѣ во время господства Домостройныхъ правилъ, — русскія княжны и матерыя вдовы въ боярскомъ и посадскомъ быту, хотя жили въ удаленіи отъ свѣта, но продолжали вліять на дѣла и пользоваться прежнею властью.

Взглядъ на женщину, какъ на отверженицу, змѣю и ехидницу, долго державшійся на Руси, ко вреду для благосостоянія нашего отечества, — появился изъ Византійскаго міросозерцанія, ничего не имѣвшаго общаго съ Славянскими и чисто русскими воззрѣніями на жизнь и женщину.

Въ одномъ изъ распространенныхъ въ древней Руси сборниковъ, подъ названіемъ „Пчела“, внесено, между прочимъ, составленное въ концѣ XII вѣка, въ подраженіе подложному Слову Златоуста на Иродіаду, — „Слово о женахъ злыхъ и самовластныхъ, и язычныхъ, и богобойныхъ“, въ которомъ есть такой отзывъ о женщинахъ: „Умъ женскій нетвердъ, яко храмъ непокровенъ; оплотъ не окопанъ до вѣтра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда. Аще будетъ злообразна,—мука ему (мужу) есть, еще-ли прекрасна, то вси на ню зрѣти будутъ, мужу же безутѣшная печаль...“ Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній и по совершенному отсутствію образованія и нравственнаго развитія,—нравы огрубѣли въ выс-

шей степени, и только духовная власть, но по отношенію лишь къ монастырскимъ крестьянамъ, пыталась предотвратить семейныя бѣды. Такъ, монастырь бралъ иногда съ мужа поручную запись, что онъ, отлучившись на время съ женою жать рожь,—„ее не убьетъ и не замучитъ, и не пострижетъ безъ властелина (архимандрита) вѣдома, а если не сдержитъ этого обѣщанія, то поручители платятъ монастырю пеню, что послѣдній укажетъ“, или—слуга монастырскій въ поручной записи ручался, что „съ матерью браниться и биться не будетъ и жену смирять по винѣ и по-людски, а не безвѣчьемъ“.

Въ такія распространенныя сочиненія, какъ „Притча о женской злобѣ“ или „Слово о злыхъ женахъ“—невѣжественные люди, а особенно изувѣры, многочисленные послѣдователи секты „дѣвственниковъ“, — вѣрили въ догматику, постоянно перечитывали ихъ въ своихъ моленныхъ, и затѣмъ учили, что „баба сотворена отъ дьявола“, что „сатана—антихристъ соблазняетъ и уловляетъ мужчинъ женщинами“. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ антифизіологической бракоборной пропаганды „дѣвственной вѣры“ было сильное распространеніе самаго грязнаго разврата и самое унизительное положеніе женщины въ „дѣвственныхъ согласіяхъ“. Несчастныя дѣвственницы возмущались и озлоблялись, какъ безбрачною „полюбовною связью“ съ мужчинами, такъ, съ другой стороны, и обстановкой брачнаго супружества. Такъ было въ первое время давленія на насъ Византійскаго воззрѣнія на женщину, такъ по косности, было и значительно позднѣе.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни грубы были воззрѣнія на женщину въ старой Руси, но всегда за женщиною признавалось право заботы о дѣтяхъ. И дѣйствительно, это право отъ женщины неотъемлемо, а потому она и должна быть образована. Но, и помимо этого, женщинѣ необходимо образованіе для жизни: женщина должна понимать всѣ вопросы, возникающіе въ обществѣ.

Темное невѣжество — естественный врагъ образованія вообще, а слѣдовательно—и женскаго. Но болѣе опасный врагъ—предразсудки или намѣренное противодѣйствіе успѣхамъ женскаго образованія со стороны охранителей и охранительницъ нравственности, изъ такъ называемой культурно-барской среды. Такъ, прежде всего, не только свѣтскія женщины, воспитанныя исключительно съ цѣлью

плѣнять мужчинъ, но къ сожалѣнію, и множество мужчинъ — европейцевъ утверждаютъ, что высшее образованіе, не исключительно институтское — свѣтское (нападеніе идетъ и на женскія гимназіи и высшія женскія курсы), отнимаетъ отъ женщинъ грацію и женственность, а русскіе мужчины часто горюютъ о томъ, что наука разрушаетъ семейный очагъ, подрываетъ брачныя узы, отнимаетъ у общества женъ и матерей, утверждая, будто „ученыя женщины“ избѣгаютъ брачной жизни и супружескихъ обязанностей. Къ этому еще присоединяется и колоссальный по глупости доводъ, выросшій исключительно на русской почвѣ,—будто учащаяся женщина отвергаетъ принципы нравственности и, ознакомившись съ высшими науками, позволяетъ себѣ всякія вольности и вступаетъ въ непозволительную связь съ мужчиной... Въ частности, все можетъ быть: и небрежно одѣтыя и неграціозныя слушательницы курсовъ, и опасающіяся брака дѣвицы, и падшія дѣвушки,—но приписывать эти и подобныя явленія тлетворному вліянію науки, а не общимъ расшатаннымъ соціальнымъ условіямъ жизни, — можетъ только озлобленная глупость, съ которою и считаться не стоитъ...

И вотъ родители и благонамѣренные родственники, частью по глупости и недостатку образованія, частью подъ давленіемъ невѣжественныхъ или нечестныхъ органовъ печати, — всѣми мѣрами отклоняли дочерей отъ стремленія получить какое-нибудь профессіональное образованіе, или образованіе высшее. Когда въ С.-Петербургѣ, съ Высочайшаго соизволенія, открылись Высшіе Женскіе курсы, — то начальство женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія всѣми способами отклоняло оканчивающихъ курсъ воспитанницъ, и даже преподавательницъ отъ посѣщенія этихъ курсовъ.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка (1799 г.) вышло извѣстное сочиненіе: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“, въ которомъ современный моралистъ, высказавъ сперва осужденіе господствовавшей тогда системѣ воспитанія юношей, даетъ слѣдующую характеристику воспитанію дѣвицъ: „Вмѣсто ученья на языкѣ россійскомъ основанію Закона Божія, вмѣсто правилъ нравственности, должностей жены, матери, гражданки, хо-

зяйки дому, — учатъ дѣвицъ тотчасъ говорить, читать и писать по французски. Едва преуспѣетъ дѣвушка только въ ономъ языкѣ, что можетъ понимать уже читанное, какъ даютъ ей трагедіи и комедіи Расиновы и Мольеровы, для изощренія ея въ декломаціи. Уже является прельщеннымъ глазамъ родителей восьми или десятилѣтняя актриса; уже наученная выраженію сильныхъ страстей, а паче страсти Федриной, напрягаетъ нѣжный голосъ, вращаетъ глаза, и порывистыми движеніями стана и рукъ ужасаетъ и удивляетъ зрителей; или, вооружась лукавою невинностью, обманываетъ искусно въ „Школѣ мужей"; либо въ роли Финетты истощаетъ всѣ хитрости, нахальство, уловки плутоватой служанки, и научая будто-бы мнимую барышню нецѣломудрію, даетъ самой себѣ уроки и тѣмъ извлекаетъ отъ родни одобрительный хохотъ. Потомъ начинаются танцеваніе, музыка и пѣніе... Тщаніе не жалѣющихъ ничего на воспитаніе родителей обращается, наконецъ, къ пѣнію: итальянская мелодія, разнѣживающая сердце и приводя въ чувствованіе душу, повергаетъ въ нѣкоторое усыпительное забвеніе и самый разумъ, составляетъ послѣдній курсъ ученія дѣвицы благородной".

Вообще, въ теченіе всего XVIII столѣтія воспитаніе „дѣвицы благородной" было исключительно внѣшнее, направленное къ тому только, чтобы вооружить ее всѣми средствами блистать въ салонѣ, плѣнять и нравиться. Самая цѣль воспитанія, по понятіямъ времени,—лежала не въ достиженіи усовершенствованія духовной природы дѣвицы и не въ развитіи ея ума и сердца. И родителей и дѣвицу, прежде всего, озабочивала суетная мысль — составить возможно болѣе блестящую партію, то есть, какъ можно выгоднѣе и счастливѣе выйти замужъ.

Въ сущности, даже и физическаго настоящаго воспитанія не было: его замѣняла выправка, направленная къ тому, чтобы дѣвица умѣла выказать свои прелести, и, во всякомъ данномъ положеніи искусно поставить свою наружность элегантно-кокетливыми нюансами, задѣвающими инстинктъ чувственности въ мужчинѣ. Къ услугамъ дѣвушки въ этомъ случаѣ являлась мода, костюмъ, и, вообще, вывезенное изъ Парижа искусство одѣваться, которое тогда, какъ и нынѣ, очень мало стѣснялось требованіями нравственности, и было, въ сущности искусствомъ не одѣваться, а раздѣваться, или декольтироваться до послѣдней

крайности, терпимой слишкомъ растяжимыми и снисходительными, на этотъ счетъ, свѣтскими приличіями. Въ дѣлѣ физической выправки—воспитаніе стремилось, прежде всего, сдѣлать изъ дѣвочки бѣлоручку, изнѣженное, полувоздушное созданіе. Самую важную и господствующую часть физической выправки въ воспитаніи дѣвицъ составляли танцы. Предполагалось, не безъ основанія, что они тоже служатъ, главнымъ образомъ, къ достиженію „тѣлеснаго благолѣпія".

Кромѣ такого наивнаго отношенія къ серьезному вопросу о воспитаніи и образованіи женщинъ, есть и среди ученыхъ, не менѣе наивныя (не говоримъ,—недобросовѣстныя) лица, которыя считаютъ науку „недоступной" для женщины. Но какая это наука?

Есть „мужи весьма мудрые", которые, читая и изучая величайшія произведенія древности, видятъ въ нихъ только фразы, правильно или неправильно съ грамматической точки зрѣнія построенныя. Они много лѣтъ трудятся надъ трагедіями Софокла, выписываютъ всѣ встрѣтившіеся имъ предлоги и усердно подсчитываютъ, сколько разъ авторъ употребилъ тотъ или другой предлогъ и съ какимъ падежемъ; глубокое содержаніе трагедій, характеръ Антигоны, Эдипа--ихъ не касается. Что имъ Гекуба! Если бы бѣдный Софоклъ зналъ, что сочиненія его будутъ представляться наборомъ словъ, что его будутъ исправлять и укорять за малѣйшее отступленіе отъ школьной грамматики, о которой онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, онъ, вѣроятно, при жизни уничтожилъ-бы свои безсмертныя произведенія, только бы они не выставлялись на посмѣшище мнимо ученымъ XX вѣка.

Есть историки, стряхивающіе вѣковую пыль отъ архивныхъ хартій, съ величайшимъ трудомъ разбирающіе старинный почеркъ, чтобы сказать, наконецъ, послѣднее слово науки, а именно, — какъ были устроены различныя орудія пытки. Есть другіе, признающіе въ исторіи только хронологію, тратящіе бездну эрудиціи и остроумія для доказательства, что какое нибудь маловажное событіе произошло 29, а не 30 мая. Есть естествоиспытатели, всю жизнь посвящающіе изученію лягушечьяго языка. Подобныя упражненія, называющіяся научными, не имѣютъ съ наукой ни-

чего общаго, потому что не содержатъ въ себѣ главнаго элемента науки—идеи. Этотъ лягушечій языкъ, количество предлоговъ у Софокла и хронологическія изысканія, конечно, не нужны женщинѣ.

Но существуетъ и другая наука, благодѣтельная, открывающая законы мірозданія, которая влагаетъ въ душу человѣка возвышенныя идеи и раскрываетъ истину, эта наука ведетъ къ идеалу и къ нравственному усовершенствованію. Имѣемъ ли мы право лишать женщину свѣта науки? Тѣмъ болѣе, что женщина ищетъ образованія не изъ-за диплома (какъ это дѣлаютъ большинство мужчинъ), а лишь для удовлетворенія стремленію къ развитію и совершенствованію. Важно не то, чтобы женщина пріобрѣтала дипломы и право на государственныя должности, важно, чтобы она имѣла умственное развитіе, одинаковое съ мужчиной. Умственное развитіе и истинное научное образованіе важно женщинѣ и какъ матери, и какъ женѣ, и какъ члену общества.

Обращаемся къ историческому очерку просвѣщенія русской женщины въ связи съ общимъ состояніемъ и развитіемъ образованія въ Россіи.

Въ первый вѣкъ по принятіи Христова ученія, если не всегда на дѣлѣ, то по мысли законодателей, женское образованіе не выдѣлялось изъ общаго для дѣтей обоего пола ученія, хотя-бы въ сферѣ простой грамотности. Владиміръ Святой признавалъ и природный умъ, и просвѣщеніе женщинъ: на свою бабку Ольгу смотрѣлъ съ уваженіемъ, какъ на „мудрѣйшую всѣхъ людей“, а жену свою, бывшую греческую царевну, признавалъ стоявшею, по просвѣщенію, выше его и совѣтовался съ нею о церковномъ уставѣ и о другихъ дѣлахъ. По совѣту кіевскаго митрополита Леонтія, Владиміръ въ 1001 году учредилъ въ Кіевѣ два училищныхъ монастыря, мужской и женскій, и Кіевское женское училище (1001 г.) было не только первымъ женскимъ училищемъ въ Россіи, но первымъ и въ Европѣ. Какъ въ этихъ училищахъ, такъ и вообще въ монастыряхъ, и у грамотныхъ людей на дому, все образованіе ограничивалось простой грамотностью: умѣньемъ читать писать... И, какъ высшая, для древнихъ временъ просвѣщенія, ступень—умѣнье толковать книги священнаго писанія. По естественному ходу вещей, для жен-

щинъ обученіе грамотѣ сосредоточилось, преимущественно, въ монастыряхъ. Уже съ XI вѣка стало проявляться въ русскомъ обществѣ стремленіе къ монастырской жизни, и толки объ иноческой жизни, какъ высшемъ идеалѣ человѣческаго существованія вообще, а въ особенности для женщинъ, побуждали ихъ поселяться въ монастыряхъ и тамъ усваивать познанія въ грамотности. Ни въ теремахъ, конечно, ни отъ хожалыхъ грамотѣевъ — мірская женщина не могла научиться грамотѣ. Теремное воспитаніе женщины (не княженъ) состояло въ томъ, что женщину старались держать подъ крѣпкимъ присмотромъ и откармливать на убой, чтобы онѣ пріобрѣли такъ прельщавшую нашихъ предковъ дородность, которая и вообще особенно нравится нецивилизованнымъ людямъ. Хорошая ѣда, продолжительный и частый сонъ, отсутствіе движенія, прѣніе въ банѣ— и женщина жирѣла на славу. Мало того, впослѣдствіи женщины даже водку пили, чтобы потолстѣть.

Въ первое училище для общаго научнаго образованія, а именно въ Кіевскую Академію женщины не были допущены. Одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Кіевской учености Симеонъ Полоцкій, поученія котораго, главнымъ образомъ, направлены на воспитаніе,— находилъ чтеніе полезнымъ не только для мужчинъ, но и для женщинъ.

Для князей и княженъ была иногда возможность, при желаніи, выучиться практически иностраннымъ языкамъ, не выѣзжая изъ Россіи. Такъ при дворѣ князей, начиная отъ Ярослава, живали иногда иностранные государи и князья, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ вынужденые удалиться изъ отечества и искать защиты у русскаго Великаго Князя. Кромѣ того, съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи, дѣвушки княжескаго рода выдавались замужъ за иностранныхъ князей, которые сами пріѣзжали за ними въ Россію.

Ярославъ былъ женатъ на шведской принцессѣ, а три его дочери были выданы замужъ за иностраныхъ королей: одна — за короля норвежскаго Гарольда, другая за французскаго короля Генриха I, а третья—за венгерскаго короля Андрея I. Сыновья и внуки Ярослава также женились на иностранныхъ принцессахъ, которыя оставались съ мужьями ними въ Россіи.

Юго-западныя братства XVI и XVII в.в., много послужив-

шія дѣлу образованія вообще устройствомъ школъ, впослѣдствіи расширили программу образованія, введя обученіе классическимъ языкамъ; по образцу ихъ устроилась (1615) въ Кіевѣ, а потомъ (1683) въ Москвѣ—Славяно-Греко-Латинская академія. Въ тогдашней Польшѣ уровень образованія стоялъ всегда выше чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи. Съ XIII вѣка рѣдкая въ Польшѣ среди шляхты женщина не умѣла читать и писать. Съ XV вѣка образованность польки, подъ вліяніемъ западнаго гуманизма, начала сильно развиваться, такъ что женщины культурнаго класса нерѣдко превосходили въ этомъ отношеніи мужчинъ. Женщины отличались не только общимъ образованіемъ, но и спеціальнымъ; проявляли серьезныя знанія по законовѣдѣнію и выступали въ качествѣ защитницъ въ судахъ по дѣламъ своихъ мужей. Умственное превосходство польскихъ женщинъ въ Западномъ краѣ, такъ-же какъ и на Западѣ Европы, было причиною того, что духовенство, и католическое и протестанское опиралось, въ своихъ интересахъ, на женщинъ, и черезъ ихъ посредство старалось оказывать вліяніе на общество.

Между тѣмъ, въ центральной Россіи, именно съ XIII вѣка, когда стала подниматься культура польской женщины,—просвѣщеніе хотя и до тѣхъ поръ проявлялось въ скромныхъ размѣрахъ,—стало падать, и, тѣмъ болѣе, пала и образованность русской женщины подъ давленіемъ монгольскаго ига и византійскихъ идей. Къ XV же вѣку обнаружилось то-же, что двумя вѣками ранѣе было на западѣ среди рыцарей, т. е. бояре и боярскія дѣти не были въ состояніи подписать своего имени на оффиціальномъ документѣ.

Тѣмъ не менѣе женщины въ высшихъ сферахъ (царевны и дочери образованныхъ бояръ) получали по тому времени хорошее образованіе. Свидѣтельство Котошихина (XVII в.) о томъ, что „Московскаго Государства женскій полъ не ученъ и необычай тому есть, и разумомъ простоваты, и на разговоръ несмыслены и стыдливы“, очевидно, относится лишь къ женамъ, и дочерямъ неграмотныхъ бояръ, державшихъ женщинъ отъ младенческихъ лѣтъ „въ тайныхъ покояхъ“.

Ксенія Борисовна Годунова была, по лѣтописнымъ ска-

заніямъ, „писанію книжному искусна“, отличалась краснорѣчіемъ, любила пѣніе—„гласы воспѣваемы любяще“.

Младшую дочь царя Алексія Михаиловича даже врачъ называетъ „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужскаго ума исполненная дѣва“. Софья и пять ея старшихъ сестеръ получили образованіе отъ Симеона Полоцкаго.

Не смотря на попытки Петра Великаго установить въ странѣ просвѣщеніе, — образованіе женщинъ до Екатерины II нисколько не подвинулось впередъ. Большинство женщинъ зажиточныхъ и помѣщицъ относилось къ образованію враждебно. Въ комедіяхъ Екатерины II и Фонвизина только повторено и подчеркнуто со сцены то, что раздавалось всюду и составляло почти неодолимыя препятствія къ водворенію въ нашемъ отечествѣ истинныхъ началъ просвѣщенія. „На что дѣвочекъ учить грамотѣ“ трактуетъ г-жа Чудихина въ комедіи Екатерины II „О время“!—„имъ никъ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ“. Другая старуха въ комедіи Екатерины II говоритъ: „Кабы у меня дочь была, меньше я имѣла-бы заботъ. На что дѣвку учить грамотѣ, имъ ни къ чему грамота не надобна“ Эта бѣдная дѣвушка, какъ разсказано въ комедіи, — „ничему неучена и грамотѣ украдкой училась у меня (горничная), для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобы она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ.“ Сюда же относится и безсмертная тирада г-жи Простаковой: „До чего мы дожили? Дѣвушки грамотѣ умѣютъ! Дѣвушки письма получаютъ!“ Въ мемуарахъ М. Дмитріева, въ началѣ XIX столѣтія, — между прочемъ сказано: „въ провинціи всѣ барышни безграмотны“. Одна изъ барынь - дворянокъ говорила: „могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: одного меду да сластей не впроѣдъ было“. Въ своихъ запискахъ Болотовъ утверждаетъ, что въ началѣ царствованія Екатерины II, въ провинціи, въ среднедворянскомъ кругу, даже просто грамотныхъ дѣвушекъ не было. Его, Болотова, свадьба чуть не разошлась изъ-за того, что его представили и невѣстѣ, и ея матери — колдуномъ и чернокнижникомъ, потому что онъ любилъ читать книги. Отъ невѣсты, черезъ своихъ, онъ требовалъ только умѣнія читать. И, женившись, онъ увидѣлъ, что

сваха его обманула. Жена оказалась, продолжаемъ его словами: „несмѣлая, несловоохотлива, незнающая ничего и не имѣющая ни малѣйшей склонности къ чтенію, характера самаго хладнокровнѣйшаго и до того нечувствительнаго, что даже въ самый прошпектическій ящикъ съ картинками, производящій всѣмъ невидавшимъ его еще никогда толь великое удовольствіе, не смотря на всю молодость,—смотрѣла съ совершеннымъ хладнокровіемъ, нимало не веселясь и безъ любопытства“. (1763 г.).

И въ высшихъ сферахъ была полная безграмотность, такъ что многія женщины высшаго круга не могли написать строчки, не сдѣлавъ десяти орѳографическихъ ошибокъ и, по крайней мѣрѣ, одной синтаксической нелѣпости. Даже Государыни (до Екатерины II) были совсѣмъ необразованы: Екатерина I не умѣла ни читать, ни писать; Анна Ивановна — была суевѣрна и несвѣдуща; дочь Петра Елисавета — не знала даже, что Великобританія (Англія) — островъ.

Историкъ просвѣщенія съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на именахъ такихъ женщинъ, которыя въ періодъ „господства невѣжества“ заботятся о своемъ лично образованіи и о женскомъ просвѣщеніи вообще.

Въ XIII вѣкѣ въ Суздалѣ основано было женское училище дочерью Черниговскаго князя Михаила Евфросиньею (въ мірѣ Ѳеодосія), которая сама учила въ немъ грамотѣ, письму и пѣнію. Получивъ въ дѣтствѣ знаніе грамоты и книжной мудрости отъ высокообразованнаго боярина Ѳеодора, молодая княжна была обручена, но женихъ ея умеръ, и она вступила въ Ризположенскую обитель, гдѣ, кромѣ исполненія иноческихъ обѣтовъ, произносила въ церкви наставленія сестрамъ и много работала надъ самообразованіемъ. Въ „житіи“ ея, составленномъ инокомъ Григоріемъ,— сказано, между прочимъ: „Аще и не въ Аѳинахъ учися блаженная, но аѳинѣйски премудрости изучи: философію-же и риторію, и всю грамматикію, числа и круговъ обхожденія и вся премудрости“.

Царевна Софія, подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго, училась, вмѣстѣ съ пятью сестрами, латинскому языку, піитикѣ, риторикѣ и др.

Софія, кромѣ того, читала по-польски, говорила рѣчи народу, знала французскій языкъ и перевела комедію Мольера „Le medecin malgré lui“.

Сестра ея Наталія знала нѣсколько иностранныхъ языковъ и сочиняла „Комедіантскія дѣйствія“.

Въ концѣ XVIII-го столѣтія въ Москвѣ была дѣвочка Турчанинова; „она занималась, преимущественно, математическими науками, знала латинскій и греческій языки, писала, хотя неудачно, стихи, ходила неряхою, въ странномъ нарядѣ и (по свидѣтельству Вигеля), избѣгала общества“, но, по его-же заявленію,—„въ ней не было и тѣни педанства; она всегда была веселая, часто шутливая, объяснялась съ дѣтской простотой; охотно разсказывала про свои связи съ почтенными учеными мужами, профессорами Московскаго университета, хвалилась любовью и покровительствомъ Хераскова, дружбою Кострова и др.“. Въ числѣ расположенныхъ къ ней лицъ былъ и Карамзинъ.

Она первая въ Россіи отважилась подняться на аэростатѣ съ воздухоплавательницей Геркерель.

Являлись и просвѣщенныя благотворительницы, дававшія щедрыя пожертвованія на нужды образованія. Такъ, княгиня Е. Д. Голицына, рожденная Кантемиръ, пожертвовала 22000 рублей съ тѣмъ, чтобы на $^0/_0$ съ этой суммы были отправляемы каждыя шесть лѣтъ трое молодыхъ людей въ Страсбургскій университетъ, для обученія медицинѣ и хирургіи, по выбору Главнаго Совѣта Воспитательнаго дома, но, притомъ, чтобы, по окончаніи курса и по возвращеніи въ Россію, они пользовались совершенною свободою. Этому пожертвованію отечество наше обязано многими знаменитыми врачами.

Такихъ и подобныхъ примѣровъ было много.

Еще до Екатерины II уже появились въ концѣ вѣка женщины-писательницы. Первою русскою женщиной писательницею, въ настоящемъ литературномъ смыслѣ, была дочь Сумарокова, Екатерина Александровна, *) впослѣдствіи

*) Интересно вспомнить, что и отецъ ея А. П. Сумароковъ былъ «первый русскій литераторъ» въ томъ смыслѣ, что литературу сдѣлалъ исключительнымъ своимъ занятіемъ, и, какъ говорилъ его врагъ Ломоносовъ, «свое бѣдное рифмачество выше всего на свѣтѣ ставилъ».

супруга извѣстнаго драматическаго писателя Княжнина. Къ ней съ уваженіемъ относились Шуваловъ и Ломоносовъ. Свои стихи, по большей части воспѣвавшіе любовь, Екатерина Александровна писала отъ лица мужчины, потому что отецъ хотя и гордился талантомъ дочери, но считалъ неприличнымъ, чтобы стихи, а въ особенности такіе, въ которыхъ говорилось о любви, были писаны отъ лица женщины.

Первою при Екатеринѣ II женщиной-писательницею была А. Ѳ. Ржевская, сестра фельдмаршала графа Каменскаго. „Она,—по свидѣтельству Новикова,—любила науки и художества, упражнялась въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ, имѣла великую охоту къ чтенію книгъ, искусна была во французскомъ, итальянскомъ и своемъ природномъ языкѣ“. Подъ вліяніемъ литературныхъ трудовъ Екатерины II и возбужденнаго ею и ея даровитыми современниками литературнаго оживленія, число женщинъ-писательницъ стало увеличиваться.

Но самою образованною русскою женщиною своего времени явилась сама Екатерина II. Еще бывъ молоденькой принцессой Ангальтъ-Цербстской она и ея тезка -15 лѣтняя княжна Воронцова (въ замужествѣ Дашкова), — страстно предались серьезному чтенію, особенно полюбивъ Бэля, Монтескье и Вольтера. Въ своемъ дальнѣйшемъ самообразованіи Екатерина II находилась, преимущественно, подъ вліяніемъ энциклопедистовъ (кромѣ упомянутыхъ—Беккаріа, д'Аламберъ, Дидро, Руссо), съ которыми вела дѣятельную и оживленную переписку и осыпала ихъ милостями.

Княгиня Дашкова обладала громадной начитанностью. Еще дѣвочкой она употребляла всѣ свои карманныя деньги на покупку книгъ и, до выхода замужъ, собрала библіотеку въ 900 томовъ. По ея признанію, пріобрѣтеніе энциклопедіи и словаря Морери доставило ей такое удовольствіе, какого и половины она не испытывала, дѣлаясь обладательницей самыхъ изящныхъ и дорогихъ предметовъ роскоши. Кромѣ французской литературы она еще въ ранней юности ознакомилась со всей наличной русской литературой такъ основательно, что въ московскихъ книжныхъ лавкахъ почти не находила книгъ, не прочитанныхъ уже ею. „Съ дѣтскихъ лѣтъ, пишетъ она, политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я надоѣдала своимъ любопытствомъ всѣмъ иностранцамъ, художникамъ, ученымъ и по-

сланникамъ, посѣщавшемъ домъ моего дяди. Я распрашивала каждаго изъ нихъ о его отечествѣ, о формѣ правленія, о законахъ"... Княгиня Дашкова оказала незабвенныя услуги русскому просвѣщенію: ею основана, Россійская Академія, которой она состояла президентомъ, въ 12 лѣтъ составила и издала „Россійскій Этимологическій Словарь", между тѣмъ какъ французская академія, съ большими пособіями, около 80 лѣтъ употребила на составленіе своего словаря, гораздо меньшаго, при первомъ изданіи, въ сравненіи съ Россійскимъ.

Императрица Екатерина II, излагая свои личные взгляды на образованіе, говорила, что „всего нужнѣе познаніе человѣка". Она утверждала, что нужно „не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить его". Для этого она рекомендовала съ отроческаго возраста чтеніе историческихъ и правоучительныхъ книгъ. Екатерина хотѣла давать женщинамъ не только воспитаніе, но и образованіе, и при томъ общее, а не пріуроченное къ какимъ-нибудь спеціальнымъ „женскимъ" цѣлямъ. Вообще, общее школьное женское образованіе на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ простая грамотность, — стало предметомъ особой заботливости правительства лишь въ царствованіе Екатерины II. До того же времени оно не входило въ общую систему офиціальнаго народнаго просвѣщенія и предоставлялось частной инициативѣ, личной и общественной.

Втеченіе большей части XVIII вѣка женское образованіе было преимущественно домашнее, и отсюда крайняя неравномѣрность образованія, зависѣвшая и отъ степени заботы родителей и отъ ихъ матеріальныхъ средствъ.

Правильную, по идеѣ, организацію и правительственную опеку женское школьное образованіе получило въ царствованіе Екатерины II. Учебный планъ для женскаго образованія начертанъ и развитъ подъ вліяніемъ западныхъ мыслителей, преимущественно—Локка и Руссо. Руссо, проповѣдникъ широкой гуманитарности, разоблачилъ ложь и фальшь господствовавшаго тогда воспитанія, возсталъ противъ школьной тираніи, сухого педантизма и произвелъ широкій переворотъ въ системѣ какъ домашняго, такъ и школьнаго образованія молодежи.

Его идеи, въ основныхъ началахъ, вошли и въ преобра-

зовательный учебный планъ въ Россіи (Генеральное Учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества 5 мая 1764 г.). Тамъ указано: „опытъ доказалъ, что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго прямого гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель. Такъ и Стародумъ пропагандируетъ идеи Руссо и Екатерины слѣдующимъ образомъ:

„Умъ, коль онъ только что умъ, сущая бездѣлица. Прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума“.

Когда уставъ учрежденнаго Екатериною „Общества благородныхъ дѣвицъ“ былъ разосланъ по всей Россіи, съ тою цѣлью, чтобы, „вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый изъ дворянъ могъ, если пожелаетъ, дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему воспитанію“, то, по справкѣ, вышло, что никто изъ дворянъ не пожелалъ воспользоваться этимъ благодѣяніемъ. Никто и не откликнулся на вызовъ, и на первыхъ порахъ приведеніе въ исполненіе широко задуманнаго плана образованія юношества, имѣвшаго охватить собою всю Россію, пришлось сузить до самыхъ скромныхъ размѣровъ, особенно по отношенію къ женскому образованію. Екатерина была очень внимательна къ внѣшнему ходу учрежденнаго ею заведенія и любила посѣщать, какъ выразился Карамзинъ, „сей прекрасный цвѣтникъ, ею насажденный“. Она любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ ней на встрѣчу, окружали ее радостными, шумными толпами, цѣловали ея руки, одежду, единогласно называли матерью и своею безпечною рѣзвостью въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись ея. Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ, она казалась истинною матерью сего многочисленнаго цвѣтущаго семейства“. Карамзинъ вообще былъ въ восхищеніи отъ „Смолянокъ“. Ему въ „монастырскихъ воспитанницахъ“ нравилось „какое-то невинное добродушіе, искренность, благонравіе, сверхъ знаній и талантовъ“.

Къ сожалѣнію, серьезныхъ знаній у институтокъ не было. Послѣ 12-лѣтняго курса онѣ выходили совершенно „невинными“ относительно самыхъ элементарныхъ

научныхъ свѣдѣній и преуспѣвали только въ изученіи языковъ, чаще—исключительно французскаго,—въ танцахъ, пѣніи и музыкѣ. Также много было обращено вниманія и на физическое воспитаніе, какъ на „средство слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая ее и не переламывая, но способствуя ей наклонять мало-по-малу отъ вреднаго къ полезному“.

Продолжательницею дѣла женскаго образованія послѣ Екатерины Великой явилась Государыня Марія Ѳеодоровна.

Среди знаменитыхъ женщинъ вообще немного найдется такихъ, какъ Императрица Марія Ѳеодоровна, запечатлѣвшая свое имя въ памяти потомства широкой, свѣтлой и благотворной дѣятельностью. Ея прекрасное, нѣжное сердце согрѣвало всѣхъ мирнымъ, кроткимъ свѣтомъ любви и милосердія. Митрополитъ Филаретъ сравнилъ Императрицу съ „тихою зарею, проницающею, аки утро“. Крыловъ сравнилъ Государыню съ благодатнымъ солнцемъ:

„Куда лишь лучъ его достигнетъ, тамъ оно
„Былинкѣ-ль, кедру-ли благотворитъ равно,
„И радость по себѣ и счастье оставляетъ!“

Вопросъ женскаго образованія въ Россіи вовсе не есть „женскій вопросъ“ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ злонамѣренные и наглые враги женскаго образованія, или наивные защитники просвѣщенія женщинъ. Вопросъ женскаго образованія въ Россіи, для пользы дѣла, никакъ нельзя смѣшивать съ вопросомъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ женщинъ. Это совершенно самостоятельный отъ женской эмансипаціи вопросъ.

Петръ Великій, проводя свои реформы, коснулся и образованія женщинъ, но онъ, не понявъ глубоко вопроса, ограничился лишь измѣненіемъ внутренняго положенія женщинъ. Онъ ввелъ, между прочимъ, участіе женщинъ въ общественныхъ увеселеніяхъ и общественной жизни, далъ ей всѣ внѣшніе признаки свободы, раскрылъ двери теремовъ и призналъ за женщиной правоспособность и общественную равноправность.

При дочери Петра Великаго, Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ появились частные пансіоны, и ихъ содержатели были, преимущественно, французы и француженки, по боль-

шей части люди малообразованные и въ своихъ предпріятіяхъ преслѣдовавшія лишь идею наживы. Въ 1751 году нѣкто г. Ловаль съ женою объявилъ, что беретъ дѣвицъ для обученія французскому языку, географіи, исторіи, рисованію, ариѳметикѣ. Въ 1758 году двѣ француженки открыли школу для женщинъ для обученія ихъ „нравоученію", исторіи, географіи, кто пожелаетъ ариѳметикѣ, музыкѣ, танцамъ, рисованію, доброму домоустройству и прочему, что требуется для воспитанія честныхъ женщинъ. М-мъ де Могаръ, кромѣ обученія дѣвицъ французскому языку, географіи и т. д., рекламировала, что она „не преминетъ удовольствовать, показывая при томъ благородные поступки, пристойные къ ихъ (дѣвицъ) природѣ".

Поэтому весьма важными являются заботы Екатерины II объ учрежденіи, отъ правительства, правильно организованныхъ воспитательно-учебныхъ заведеній для дѣтей обоего пола. Въ предувѣдомленіе къ составленному, по идеямъ Императрицы. „Генеральному плану"—Бецкій два раза говоритъ, что „изъ сего столь преполезнаго основанія въ наученіи не выключается и женскій полъ, „Бецкій утверждаетъ, что и здравый разумъ и попеченіе о благоденствіи рода человѣческаго побуждаютъ желать, чтобы „всѣ дѣвушки не только обучались читать и писать, но имѣли-бы и разумъ просвѣщенный различными знаніями, для гражданской жизни полезными. Будучи матерями, лучше и разсудительнѣе воспитаютъ своихъ и чужихъ, ввѣренныхъ имъ дѣтей; будучи въ супружествѣ — прилежнѣе исполнятъ свою должность; будучи кормилицами или няньками, не помрачатъ ихъ пустыми разсказами и страшными повѣстями о привидѣніяхъ. Напротивъ того, разговоръ ихъ будетъ подражанія достоинъ, страсти обузданы, обхожденіе пріятно и человѣколюбія исполнено". Въ Уставѣ „Воспитаніе 200 благородныхъ дѣвицъ" (впослѣдствіи Смольный Институтъ) въ основу положены тѣ-же начала, какія имѣла Великая Законодательница при установленіи воспитанія и образованія всего юношества.

Среди мѣръ, подготовлявшихъ въ стѣнахъ Института дѣвицъ къ служенію семьѣ и обществу, была слѣдующая очень симпатичная: начиная съ 4-го класса, институтки, (поочереди) по двѣ каждый день, должны были обучать въ двухъ первыхъ классахъ маленькихъ воспитанницъ; это предписывалось, какъ для того, чтобы „возбудить въ дѣвицахъ прочихъ трехъ классовъ похвальную ревность, такъ

и для заблаговременнаго навыка, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ и въ собственномъ своемъ воспитаніи найти себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ-бы состояніи имъ жить ни случилось".

Но съ институтомъ и съ корпусомъ случилось то-же, что, впослѣдствіи, и съ женскими гимназіями, а съ 70-хъ годовъ XIX в.—съ мужскими,—именно оказался недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ—педагогахъ. Самъ Бецкій не былъ увѣренъ, что найдутся педагоги, способные удовлетворить новымъ требованіямъ, т. е. способные не только преподавать научные предметы, но и наставлять дѣтей собственнымъ примѣромъ и разговоромъ. „Если, говоритъ онъ,—найдутся подобные учители, то объ успѣхахъ и благосостояніи онаго (корпуса) сомнѣваться не можно; буде-же, по несчастью, такихъ людей не достанемъ, тщетны будутъ всѣ предписанія и всѣ старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ".

Дѣйствительно, такихъ людей не нашлось.

Не смотря на изданный Императрицею Елисаветою въ 1755 году указъ, запрещавшій обучать и воспитывать русскихъ дѣтей иностранцамъ, предварительно не выдержавшимъ установленнаго экзамена въ Академіи наукъ и не представившимъ свидѣтельства о своей личности,—такихъ иностранцевъ все-таки было много и число ихъ постепенно увеличивалось. Составъ ихъ въ столицѣ былъ таковъ, что даже французскій посланникъ, съ своей стороны, счелъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе русскаго правительства. По словамъ секретаря французскаго посольства, Ла-Мессельера—большинство являвшихся въ посольство французовъ и француженокъ, взявшихся въ Россіи за воспитаніе юношества, были „бѣжавшіе изъ Франціи и скрывавшіеся отъ полиціи дезертиры, банкроты, развратники обоего пола", — вообще, какъ онъ выразился—„пѣна Франціи".

Такъ было и при Екатеринѣ II. Основатель Московскаго университета, Ив. Ив. Шуваловъ, разсказывалъ, что онъ выписалъ для кадетскаго корпуса восемь французовъ лакеевъ, и всѣ они разошлись учителями по домамъ.

При учрежденіи Воспитательнаго Общества, кромѣ Императрицы и Бецкаго, едва-ли нашелся-бы десятокъ лицъ во всей Россіи, которыя понимали-бы цѣль, съ какою основывалось это учрежденіе и сочувствовали бы этой цѣли.

Учрежденіе общественнаго учебнаго заведенія для знат-

ныхъ дѣвушекъ не встрѣтило сочувствія, а вызвало изумленіе, преимущественно въ высшихъ кругахъ общества. Во всѣхъ такихъ семействахъ были гувернантки-иностранки, онѣ же и учили дѣвицъ, — это считалось достаточнымъ. Даже и въ среднихъ дворянскихъ семьяхъ предпочитали къ дочери „нанимать мадамъ или мамзель", отчасти, чтобы не отстать отъ другихъ, а отчасти, и потому, что „мамзель", кромѣ обученія дочери манерамъ и говорить по французски, представляла еще и другія удобства: она мыла кружева хозяйки, шила ей чепчики, и этому-же выучивала свою воспитанницу.

Поэтому, въ первое время въ Воспитательное Общество поступало немного дѣтей. Несмотря на самыя лучшія намѣренія просвѣщенныхъ основателей институтскаго воспитанія и образованія, и на руководившія ими возвышенныя и гуманныя цѣли,—институты представляли долгое время лишь печальные результаты.

Самая важная цѣль—развитіе „изящнаго сердца", а не исключительно ума,—при полномъ недостаткѣ способныхъ къ пониманію и выполненію высокой задачи руководителей, не могла быть выполнена по замыслу Великой Основательницы и оказалась искаженною въ рукахъ невѣжественныхъ и неумѣлыхъ исполнителей широко задуманнаго плана „создать новое поколѣніе людей".

Цѣлыя поколѣнія институтокъ отличались наивностью и „болѣзненною сантиментальностью". 10-ти-лѣтнія дѣвочки мечтали о любви, „обожали" учителей и посѣтителей, и надъ мыслительными ихъ способностями брала перевѣсъ преждевременно возбужденная фантазія. Случалось даже, что институтки предавались пьянству, доставая водку, черезъ прислугу.

Сами воспитатели, случалось, портили ихъ нравственость.

Даже самъ Бецкій, одинъ изъ лучшихъ людей XVIII вѣка, 70 лѣтъ отъ роду, былъ небезупреченъ въ своихъ отношеніяхъ къ институткамъ, „Книги не достанетъ,—говоритъ въ своихъ мемуарахъ бывшая институтка Алымова, чтобы описать всѣ западни, которыя разставлялъ для меня человѣкъ, долгомъ котораго было охранять мою молодость". А, другіе—не Бецкіе!

О наивности институтокъ, по лелѣянію этой наивности со стороны воспитательницъ, свидѣтельствуетъ фактъ внесенный въ мемуары бывшей институтской воспитанницы

г-жи Пелли. Это относится къ страшному дню 14 декабря 1825 года. „При доходившемъ до насъ громѣ орудій, пишетъ она, мы страшно перепугались. Пальба продолжалась, а начальница института въ это время говорила намъ: „Это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый важный и тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по французски, и, точно кухарки, все болтаете по русски! „Въ страшномъ перепугѣ мы вполнѣ сознали весь ужасъ своего грѣхопаденія, и, на колѣняхъ передъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ въ разговорахъ вовсе не употреблять русскаго языка“. Въ другомъ институтѣ начальница не позволила воспитанницѣ прочесть на экзаменѣ извѣстный монологъ Годунова „Достигъ я высшей власти“... на томъ основаніи что тамъ говорится: „Мальчики кровавые въ глазахъ“,—а дѣвушкѣ, по ея мнѣнію, должно какъ можно рѣже упоминать о мальчикахъ.

По этому, не получивъ ни дома, ни въ институтѣ никакихъ прочныхъ знаній, а лишь болѣзненно настроивъ свою нервную систему — женщина вступала въ жизнь безъ разумной подготовки, и многія изъ нихъ представляли какихъ-то флюгеровъ, поддававшихся каждому дуновенію окружавшей ихъ обстановки.

Сантиментальная барышня превращалась въ тиранку-помѣщицу, добродушная и наивная институтка—въ отвратительную чиновницу, грабившую людей черезъ мужа-взяточника, свободномыслившая дѣвица XVIII вѣка—въ ханжу и суевѣрку.

Подобнымъ превращеніемъ ознаменовано, въ особенности начало XIX вѣка,—эта мрачная эпоха всевозможныхъ мистическихъ бредней и шарлатанствъ. „Наши невѣжи-бояре и ихъ жены, писалъ профессоръ Морошкинъ (1804—1857 г.). —послѣ нѣсколькихъ лѣтъ невѣрія и разврата, послѣ оргій петербургскихъ и парижскихъ, дѣлались самыми благочестивыми дѣтьми латинской церкви и летѣли въ ея распростертыя объятія“. При этомъ, мистицизмъ постоянно служилъ покровомъ для полового разгула. Такъ, еще въ XVIII вѣкѣ иллюминаты привлекали къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ—возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію. Въ началѣ XIX вѣка особенно сильное вліяніе на женскіе умы имѣлъ извѣстный

Фотій. Барыни вѣрили ему, какъ святому, безусловно повиновались каждому его капризу, а въ то-же время служили орудіями его интригъ содѣйствовавшихъ реакціи, которая омрачила вторую половину царствованія Императора Александра I. Послѣ ежедневныхъ, бесѣдъ то въ томъ, то въ другомъ домѣ, бесѣдъ о спасеніи души, наступали питіе и яствіе во славу Божію, преимущественно въ домѣ дѣвицы Анны (Орловой-Чесменской).

Послѣ этихъ угощеній Фотій обыкновенно ложился на диванъ, а барыни подходили цѣловать его руки.

Фотій даже творилъ чудеса, и тѣмъ окончательно овладѣвалъ умами барынь, особенно Орловой-Чесменской. Однажды въ Фотіевскій монастырь явилась бывшая театральная фигурантка Фатина-Павлова и объявила, что она одержима бѣсомъ, котораго, по бывшему ей откровенію, можетъ изгнать только Фотій. Фотій изгналъ бѣса, а Фатина осталась у него въ монастырѣ, не смотря на препятствіе со стороны Гр. Орловой. Вскорѣ Фатина сама совершила чудо, явившись монахамъ въ полости церковнаго купола, какъ бы стоявшею на воздухѣ. Для дѣвицъ, жившихъ въ окрестности монастыря, которыя, по желанію Фотиной, ежедневно являлись въ обитель на вечернее правило,—Фотій устроилъ какіе-то „хитоны", вродѣ обыкновенныхъ женскихъ рубашекъ. Такихъ охотницъ являлось все больше и больше, нѣкоторыя даже ночевали въ монастырѣ. Громадный скандалъ прекращенъ былъ лишь вмѣшательствомъ свѣтской власти. Послѣ смерти Фотія, Фатина оставила монастырь, вышла замужъ за своего кучера и вскорѣ умерла отъ его побоевъ.

Пока существовали только институты и къ нимъ приближавшіеся частные пансіоны, — женскія учебныя заведенія были закрытыя, и, въ большинствѣ, доступныя только дѣтямъ привиллегированныхъ и достаточныхъ сословій. По тогдашнимъ понятіямъ считалось неприличнымъ, чтобы дѣвочка, а тѣмъ болѣе воспитанница учебнаго заведенія, ходила по улицѣ одна, и потому даже не жившія въ интернатѣ ученицы опредѣлялись родителями въ пансіонъ на цѣлый день, и уходили домой только вечеромъ, часовъ около 8, слѣдовательно, родители, кромѣ платы за обученіе, должны были уплачивать особо за продовольствіе дѣтей въ теченіе цѣлаго дня, въ пансіонахъ—за надзоръ и помощь учительницъ въ приготовленіи уроковъ на слѣ-

дующій день (полупансіонерки). Это было доступно немногимъ и большинство оставалось невѣжественнымъ

Конецъ 50-хъ годовъ и начало 60-хъ были эпохою пробужденія въ Россіи общественнаго самосознанія и возникновенія живыхъ вопросовъ. И вотъ, среди ихъ выразилась потребность въ учрежденіи для женщинъ открытыхъ всесословныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ могли бы получать образованіе, какъ дѣти дворянъ и зажиточныхъ родителей, такъ и дѣти родителей изъ другихъ сословій. Самое главное благо отъ этихъ заведеній то, что дѣвочка живетъ въ семьѣ, приходитъ въ гимназію лишь на нѣсколько часовъ; не отрываясь отъ домашней обстановки, она знаетъ настоящее матеріальное положеніе родителей и свыкается съ нимъ. Она остается дѣятельной помощницей матери: нянчитъ дѣтей, помогаетъ въ хозяйствѣ. Такое совмѣщеніе учебныхъ занятій съ интересами домашней жизни оказалось не только возможнымъ, но и благодѣтельнымъ.

Въ 1858 году, въ эпоху близкую къ освобожденію крестьянъ и богатую просвѣтительными идеалами, открыты всесословныя и общедоступныя женскія школы — гимназіи.

Въ это время въ обществѣ уже созрѣла и укоренилась мысль о необходимости для женщины всякого сословія воспитанія и образованія, на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и отвѣтившія на такое требованіе общества женскія гимназіи имѣли большой успѣхъ: за одно десятилѣтіе (1858—1869 гг.) число ихъ возрасло до 61-ой. *) Изъ общаго числа ученицъ гимназіи 50 % составляли дѣвицы дворянскаго происхожденія. Гимназіи преслѣдовали ту же задачу, какъ и институты: готовить для семьи образованныхъ матерей и наставницъ.

Женскія гимназіи получили существованіе прежде въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, и по своей программѣ, сочувствію къ нимъ общества и лучшихъ педагогическихъ силъ, особенно въ столицахъ, и гуманному своему характеру,—удовлетворяютъ разумнымъ требованіямъ отъ среднихъ общеобразовательныхъ заведеній. Большинство-же женскихъ гимназій состоитъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и, по программамъ своимъ.

*) Въ 1877 году женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи было уже 148 съ 67.409 учащихся.

а также и по многимъ другимъ причинамъ,—оказываются неудовлетворительными.

Между прочимъ, гимназіи страдаютъ отсутствіемъ хорошаго учительскаго персонала, въ смыслѣ широкого образованія, правильности педагогическихъ пріемовъ и выработки такта; въ провинціальныхъ гимназіяхъ, по большой части, составъ преподавателей женскихъ гимназій неудовлетворителенъ. Самыя программы женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія составлены весьма неудовлетворительно: это какая-то трудно сваримая смѣсь всякихъ наукъ, и чтобы выдержать экзаменъ по такой программѣ, дѣвицѣ, а иногда и замужней женщинѣ, приходится, съ сильнымъ обремененіемъ мозга, работать 8—12 часовъ въ сутки. Тѣмъ не менѣе, возвышеніе уровня образованія женщинъ необходимо для улучшенія ихъ положенія, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы трудъ ихъ, для достиженія этой цѣли, былъ облегченъ и не оставался безплоденъ.

Потребность въ учебныхъ заведеніяхъ для средняго образованія женщинъ, не смотря на сознаваемые обществомъ и лучшими педагогами ихъ недостатки, все возрастала, и въ 1888 году, въ одномъ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такихъ гимназій было 319 съ 61176 учащимися. Число окончившихъ курсъ ежегодно было свыше 16.000.

Обращаемся къ вопросу о развитіи высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Образованною частью общества, а равно и правительствомъ нашимъ, давно уже сознана важность и необходимость высшаго женскаго образованія. И, если бывали и встрѣчаются, въ этомъ отношеніи недоразумѣнія, — то это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ смѣшенія понятій: вопросъ объ образованіи русской женщины, вовсе не есть женскій вопросъ въ Россіи, въ смыслѣ расширенія ея гражданской свободы и правъ; затѣмъ и, ближайшая задача женскаго образованія состоитъ не въ увеличеніи числа ученыхъ, и не въ созданіи изъ каждой слушательницы ученой женщины, а въ пріученіи женщинъ къ умственному труду, въ привитіи имъ тѣхъ качествъ, которыя имѣютъ громадное значеніе въ жизни и отдѣльныхъ лицъ, и общества.

Увеличивая число образованныхъ женщинъ, высшіе курсы способствуютъ внесенію во всѣ сферы жизни, куда проникаетъ вліяніе женщинъ, великихъ началъ гуманности и просвѣщенія. Цивилизующее вліяніе истиннаго образованія пріобрѣтаетъ особую силу и распространенность, когда органомъ его становится женщина. Черезъ ея посредство легче проникаютъ въ семью гуманныя начала жизни.

Помимо сознательнаго нанесенія вреда дѣлу высшаго образованія въ Россіи, со стороны своекорыстныхъ противниковъ просвѣщенія вообще,—успѣху женскаго образованія мѣшаютъ и господствующіе не только у насъ, но иногда и въ Западной Европѣ, предразсудки, съ которыми по необходимости, приходится считаться, особенно въ нашемъ обществѣ, всегда склонномъ быстро заключать по частнымъ исключеніямъ объ общемъ строѣ...

Не одна купчиха (Островскаго) разсуждаетъ такъ: „вотъ, говорятъ, учиться... Сосѣдка отдала сына въ школу, а онъ глазъ и выкололъ“... Сколько такихъ близорукихъ сужденій слышится не въ одномъ купеческомъ быту.

На основаніи предразсудковъ утверждали и любятъ утверждать, что высшее образованіе лишаетъ женщинъ граціи и женственности; что наука разрушаетъ семейный очагъ, отнимаетъ у общества женъ и матерей, потому что „ученыя женщины“ избѣгаютъ брачной жизни и семейныхъ обязанностей. Затѣмъ еще убѣжденіе, выросшее исключительно на русской почвѣ, именно, будто учащаяся женщина отвергаетъ принципы нравственности и, ознакомившись съ высшими науками, позволяетъ себѣ вступать въ недозволенную церковью и закономъ связь съ мужчиною. Все это было-бы смѣшно...

Такія обвиненія переходятъ уже въ общую клевету и позорятъ не только женщинъ, посвящающихъ себя, съ любовью и самоотверженіемъ, самому благородному изъ человѣческихъ занятій—занятію наукой, но извращаютъ и высокое значеніе самой науки. Не только курсистокъ, но и окончившихъ педагогическій классъ (VIII) гимназій иногда считаютъ „нигилистками“. Между тѣмъ, такъ называемые „нигилисты“,—есть прежде все недоучки.

Герценъ очень мѣтко выразился о нигилистахъ 60-хъ годовъ: „Они, очень молодые, покончили съ образованіемъ съ идеями“...

Женскіе курсы въ Россіи возникли по частой инициативѣ, поддержанной Правительствомъ. Мысль о курсахъ зародилась въ концѣ 60-хъ годовъ, въ кружкѣ женщинъ, занимавшихся, на артельныхъ началахъ, изданіемъ переводныхъ статей; во главѣ кружка стояли: Надежда Васильевна Стасова и Марія Васильевна Трубникова. Починъ въ возбужденіе вопроса о высшемъ образованіи сдѣланъ былъ женщиною-писательницею, бывшей редакторомъ журнала „Недѣля", женщиною-врачемъ Евгеніею Ивановною Конради. Въ декабрѣ 1867 года, на бывшемъ въ С.-Петербургѣ съѣздѣ естествоиспытателей, устроенномъ по инициативѣ извѣстнаго русскаго ученаго Кесслера (1815 † 1881), — она внесла мотивированную записку о необходимости устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ, по предметамъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ. Съѣздъ отнесся къ проекту съ полнымъ сочувствіемъ, о чемъ и заявилъ публично, но разработкою его, какъ не отвѣчающемъ его прямой задачѣ, заняться не могъ и отклонилъ отъ себя ходатайство передъ Правительствомъ объ учрежденіи высшаго учебнаго заведенія для женщинъ. Но вопросъ былъ поднятъ въ обществѣ и въ печати, тогда достойной своего высокаго назначенія; онъ облетѣлъ всю Россію и число сочувствующихъ этой прекрасной мысли, лучшихъ образованныхъ русскихъ женщинъ, быстро возросло. Слухи объ этомъ важномъ шагѣ въ судьбѣ русскихъ женщинъ проникли и за границу, и лица, подавшія записку, получили, между прочимъ, сочувственное письмо отъ Д. С. Милля. И та же записка, за подписью 400 женщинъ, лишь изъ С.-Петербургскаго общества (не считая послѣдовавшихъ заявленій изъ другихъ городовъ, преимущественно университетскихъ), была подана ректору С.-Петербургскаго университета, упомянутому профессору Кесслеру. И ректоръ и профессора высказали полное сочувствіе вопросу о высшемъ образованіи женщинъ и изъявили готовность принять участіе въ его разработкѣ, для чего избрали изъ своей среды комиссію, и выработанное ея трудами положеніе внесли въ Совѣтъ С.-Петербургскаго университета. Совѣтъ, выслушавъ докладъ комиссіи, постановилъ: 1) выразить полное сочувствіе стремленію организовать правильные курсы для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ; 2) просьбу объ открытіи университетскихъ аудиторій для предполагаемыхъ курсовъ отклонить, какъ неудобную

къ исполненію, и, вообще, матеріальную часть организаціи лекціи предоставить самимъ просительницамъ и 3) по полученіи отъ министерства народнаго просвѣщенія разрѣшенія на открытіе С.-Петербургскихъ курсовъ, и по представленіи подписавшимися подъ запискою лицами въ совѣтъ университета полнаго плана матеріальной стороны дѣла, — заняться пересмотромъ этого плана и принять на себя устройство учебной части.

При этомъ многіе члены университета выразили свое согласіе читать лекціи на предполагаемыхъ курсахъ.

Тогда къ министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому явилась депутація въ лицѣ А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, Е. Н. Ворошиной и профессора А. Н. Бекетова, которая и подала г. Министру прошеніе о разрѣшеніи устроить научные курсы для женщинъ, по выработанному избранными спеціалистами проекту.

Въ ожиданіи отвѣта отъ министерства, устроились отдѣльные кружки для совмѣстныхъ занятій женщинъ, сознавшихъ недостатокъ своей подготовленности къ слушанію настоящихъ научныхъ курсовъ. На частныхъ квартирахъ стали читаться лекціи по математикѣ, историческимъ наукамъ, русской словестности. Дѣятельное и, въ большинствѣ, безвозмездное участіе въ преподаваніи принимали и профессора и выдающіеся педагоги, (въ томъ числѣ—А. Н. Бекетовъ, Н. И. Бакстъ, О. Ф. Миллеръ, С. А. Усовъ, Д. И. Менделѣевъ, А. Я. Гердъ, А. Н. Страннолюбскій, В. А. Евтушевскій). Кромѣ того, стремившіяся къ образованію женщины получили доступъ къ занятіямъ и въ нѣкоторыхъ лабораторіяхъ, а именно — въ Артиллерійской Академіи по почину профессора Н. П. Федорова, въ лабораторіи Князя Кочубея, въ лабораторіи Н. П. Зернова.

Затѣмъ, съ разрѣшенія правительства, открыты были въ V мужской гимназіи, у Аларчина моста, въ даровомъ помѣщеніи, такъ называемые Аларчинскіе курсы, съ той же разумною цѣлью, какъ и въ частныхъ квартирахъ— пополнять пробѣлы, въ среднемъ общемъ образованіи женщинъ.

Предметы преподаванія: русскій языкъ, элементарная математика, физика, химія, педагогика, ботаника, зоологія, математическая и физическая географія. 29 ноября 1869 года послѣдовало разрѣшеніе министерства народнаго просвѣ-

щенія на открытіе въ С.-Петербургѣ университетскихъ курсовъ по предметамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ, въ видѣ общихъ публичныхъ лекцій совмѣстно для мужчинъ и женщинъ, такъ какъ организація подобныхъ курсовъ не требовала новыхъ постановленій въ сложившейся учебной системѣ государства.

Такія публичныя лекціи далеко не соотвѣтствовали желанію и убѣжденіямъ образованныхъ женщинъ, принявшихъ на себя ходатайство въ учрежденіи для русскихъ женщинъ высшихъ курсовъ образованія, но курсы эти были устроены при просвѣщенномъ содѣйствіи профессоровъ университета и медико-хирургической академіи.

Въ 1872 году были учреждены въ С.-Петербургѣ женскіе врачебные курсы. Цѣль учрежденія дать возможность хорошо подготовленнымъ слушательницамъ пріобрѣтать званіе акушерокъ, съ правомъ самостоятельной акушерской и гинекологической врачебной практики.

Для матеріальнаго обезпеченія женскихъ курсовъ вообще, пришлось обратиться къ частнымъ сборамъ, среди лицъ сочувствующихъ новому дѣлу, такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ воспретило публиковать въ газетахъ о пріемѣ пожертвованій на устройство курсовъ и о подпискѣ на слушаніе лекцій. Въ теченіе двухъ лѣтъ курсы боролись съ тяжелыми и непредвидѣнными обстоятельствами. Пришлось сократить программу и установить преподаваніе только нѣсколькихъ предметовъ, но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ заявить къ чести учредителей, что сразу былъ установленъ систематическій и строго-научный характеръ лекцій. Вознагражденіе профессоровъ не было обезпечено основнымъ капиталомъ, зависѣло отъ числа посѣтительницъ лекцій, но всѣ профессора единогласно рѣшили не откладывать открытіе курсовъ, и читать до времени лекціи безплатно. Вскорѣ контингентъ слушательницъ превысилъ 1000 лицъ и профессора получили вознагражденіе по нормѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой далъ для курсовъ свободное помѣщеніе въ зданіи министерства. Лекціи читались по вечерамъ, для удобства и слушательницъ, и профессоровъ. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ профессора удѣляли время для практическихъ занятій со слушательницами, въ кабинетахъ и лабораторіяхъ университета.

Затѣмъ курсы временно помѣщались въ гимназіи при

Историко-филологическомъ Институтѣ, а потомъ, въ теченіи 2-хъ лѣтъ, въ зданіи Владимірскаго уѣзднаго училища (Владимірскіе курсы), и отсюда переведены, по предложенію начальника женскихъ гимназій И. Т. Осипова,—въ Василеостровскую женскую гимназію. Эти курсы хотя имѣли и свои недостатки (отсутствіе постояннаго учебнаго плана, на первое время смѣшанный характеръ слушательницъ и др.), но принесли значительную пользу для дальнѣйшаго развитія судьбы высшаго женскаго образованія въ Россіи. Замѣна-же публичныхъ курсовъ правильно организованными Высшими женскими курсами (сперва въ Александровской женской гимназіи), поставила дѣло на прочную почву.

Учрежденное въ 1878 году Общество для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ нашло помѣщеніе для курсовъ въ Сергіевской улицѣ, а затѣмъ воздвигнуло, на добытыя отъ благотворителей средства, собственный для курсовъ обширный домъ въ 10 линіи Васильевскаго Острова.

По отношенію къ Высшимъ женскимъ курсамъ возрастало и довѣріе Правительства и сочувствіе общества. Такъ по представленію министра народнаго просвѣщенія графа Толстого, въ 1879 году было ассигновано курсамъ отъ казны по 3000 рублей ежегоднаго пособія, а съ 1882 года—такую-же сумму сталъ отпускать и городъ, сперва на покрытіе части расходовъ по найму помѣщенія для курсовъ, а впослѣдствіи на общія нужды курсовъ.

Правительство проявляло свое сочувствіе высшимъ женскимъ курсамъ не только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, но и въ другихъ городахъ Имперіи, главнымъ образомъ потому что этимъ предотвращалось отбытіе русскихъ женщинъ за границу для пріобрѣтенія высшаго образованія. Еще задолго до возникновенія курсовъ было обращено вниманіе Высочайшей власти на постоянно возрастающее стремленіе молодыхъ женщинъ въ заграничные университеты, и, по волѣ Императора Александра II, была образована особая комиссія изъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго по учрежденіямъ Императрицы Маріи, для обсужденія вопроса о мѣрахъ къ предотвращенію такого ненормальнаго явленія. Комиссія признала чрезвычайно важнымъ и существенно необходимымъ учрежденіе въ нашемъ отечествѣ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и вскорѣ, по Высочайшему же повелѣнію,

образована была новая комиссія для разработки проекта устава высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. 9-го апрѣля 1876 года, согласно всеподданнѣйшему докладу графа Толстаго,—послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ предоставлено министру народнаго просвѣщенія разрѣшить открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ университетскихъ городахъ. Открытіе курсовъ признано необходимымъ, не только для того, чтобы прекратить наплывъ женщинъ въ заграничные университеты, давая имъ возможность получить высшее образованіе въ предѣлахъ Россіи и для приготовленія достаточнаго количества учительницъ для старшихъ классовъ женскихъ гимназій и институтовъ, взамѣнъ учителей, число которыхъ оказывалось недостаточнымъ даже для мужскихъ гимназій.

И вотъ, въ 1878 году, послѣ временной пріостановки, Женскіе курсы возникли снова при совершенно иной организаціи, съ профессоромъ университета Бестужевымъ-Рюминымъ во главѣ учрежденія—послѣдній былъ назначенъ Государемъ по указанію министра народнаго просвѣщенія (Бестужевскіе курсы). Въ преподаваніи на курсахъ приняли самое живое участіе лучшія въ то время силы С.-Петербургскаго университета. Профессора получали вознагражденіе (сперва 300 р., а потомъ 250 р. за годовой часъ); кромѣ того, они читали безплатно и лишнія, сверхъ положенія, лекціи, а нѣкоторые ежегодно жертвовали значительныя суммы изъ своего гонорара и не получали ни за экзамены, ни за особыя практическія занятія.

Въ серединѣ 1885 года, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, былъ прекращенъ пріемъ слушательницъ на Высшіе женскіе курсы, въ виду разсмотрѣнія общаго вопроса о женскомъ образованіи въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ подъ предсѣдательствомъ товарища министра. Въ 1889 году, по всеподданнѣйшему ходатайству комитета для устройства матеріальной части курсовъ, Высшіе женскіе курсы были возстановлены и по настоящее время такъ благотворно развиваются, что, несмотря на всѣ стремленія затормазить дѣло со стороны враговъ просвѣщенія вообще, а въ частности—женскаго,—имъ предстоитъ прочная будущность.

Еще ранѣе, а именно въ 1864 году, открыты были Пе-

дагогическіе курсы женскихъ гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, со скромною и ясно опредѣленною цѣлью — „для спеціальнаго приготовленія учительницъ и воспитательницъ какъ для элементарныхъ классовъ женскихъ учебныхъ заведеній, такъ и для занятій въ частныхъ домахъ“. Эти курсы, помѣщенные при Александровской женской гимназіи, принесли и продолжаютъ приносить громадную пользу дѣлу женскаго образованія вообще. Но ихъ существованію грозила большая опасность со стороны одного вліятельнаго чиновника въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, извѣстнаго врага правильной постановки образованія вообще и, въ частности, образованія женскаго. Дѣло это въ высшей степени интересно и, по счастливому его окончанію, благодаря уму и энергіи извѣстнаго дѣятеля по дѣлу женскаго образованія покойнаго П. Т. Осинина (1835—1887), даже и поучительно.

Въ образованной по Высочайшему повелѣнію комиссіи по вопросу о высшемъ женскомъ образованіи, которая считала своею задачею выработать типъ высшаго женскаго училища,—былъ составленъ, между прочимъ, отъ комиссіи докладъ. Когда П. Т. Осининъ, какъ членъ этой комиссіи отъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, получилъ проектъ доклада,—онъ вынужденъ былъ внести въ комиссію особое мнѣніе.

Въ интересахъ общаго дѣла о высшемъ женскомъ образованіи, а также и въ видѣ иллюстраціи къ тому, какъ составляются доклады въ нашихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ,—приводимъ существенныя данныя изъ этой записки почтеннаго поборника женскаго образованія.

П. Т. Осининъ указываетъ прежде всего на то, что въ упомянутомъ докладѣ встрѣчаются такія мысли, которыя совершенно несогласны съ его убѣжденіемъ, и едва-ли соотвѣтствуютъ мнѣнію другихъ членовъ. Хотя нѣкоторыя изъ подобныхъ мыслей и высказывались въ засѣданіяхъ однимъ изъ членовъ министерства народнаго просвѣщенія (онъ-же предсѣдатель),— но серьезно не обсуждались и не подвергались голосованію. Въ докладѣ оказались и такія мысли, которыя вовсе не были высказаны въ засѣданіяхъ комиссіи.

Обращаясь къ составу доклада, Осининъ указываетъ, что составитель документа исказилъ Высочайшую мысль объ учрежденіи въ нашемъ отечествѣ высшихъ женскихъ

учебныхъ заведеній, и возстанавливаетъ ее, предъявляя комиссіи, что ближайшимъ и главнѣйшимъ поводомъ къ этому была потребность въ мѣрахъ противъ „постоянно возрастающаго прилива русскихъ женщинъ въ цюрихскіе университетъ и политехникумъ и прискорбныя явленія, совершающіяся въ ихъ средѣ“. При этомъ почтенный дѣятель указываетъ и на то, что Высочайшая воля признала „законность стремленія женщинъ къ высшему образованію“. Между тѣмъ, въ проектируемомъ докладѣ комиссіи было помѣщено, что главнѣйшею и существеннѣйшею цѣлью при учрежденіи новаго женскаго высшаго училища должна быть „подготовка женщинъ къ педагогической дѣятельности“. Не отрицая, что русское общество нуждается въ знающихъ и добросовѣстныхъ воспитательницахъ, И. Т. Осининъ указываетъ, что со стороны вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи давно къ этому приняты различныя мѣры: спеціальные классы при институтахъ и педагогическіе курсы при гимназіяхъ и, если было бы признано, что число ихъ, для удовлетворенія потребностей общества недостаточно или что они, по даваемому въ нихъ образованію, недостаточно соотвѣтствуютъ своей цѣли,—то достаточно было бы увеличить ихъ количество и возвысить уровень программы образованія.

Въ виду этого, въ своемъ особомъ мнѣніи, Осининъ указываетъ, что, какъ только однимъ изъ членовъ комиссіи предложено было всю задачу свести къ учрежденію новаго спеціально педагогическаго учрежденія,—возникли въ засѣданіи продолжительныя пренія и горячая оппозиція, о чемъ докладъ въ проектѣ умолчалъ.

Въ той-же комиссіи былъ отстраненъ отъ обсужденія, какъ неподлежащій разбору по инструкціи, вопросъ о разсмотрѣніи всей системы существовавшихъ тогда женскихъ учебныхъ заведеній, а потому и занесенныя въ проектированный докладъ сужденія объ этомъ вопросѣ, помимо незаконности самого внесенія, оказались невѣрны, неполны и поверхностны и оказались не имѣющими никакого серьезнаго значенія.

Что касается до педагогическихъ курсовъ при Александровской женской гимназіи, то они все-таки были „разсмотрѣны“ *) совершенно оригинальнымъ способомъ:

*) Курсивъ И. Т. Осинина.

одинъ изъ членовъ комиссіи, все тотъ-же герой этой печальной эпопеи, два раза былъ на курсахъ, прослушалъ нѣкоторые уроки и произнесъ объ этомъ „разсмотрѣніи“ сужденіе въ засѣданіи, вошедшее и въ докладъ отъ имени комиссіи въ измѣненномъ и усиленномъ видѣ.

По поводу указанія, сдѣланнаго тѣмъ-же чиновникомъ, о печальныхъ условіяхъ состоянія женскихъ гимназій, внесеннаго въ проектъ доклада комиссіи, И. Т. Осининъ въ особомъ мнѣніи заявилъ, что онъ, совершенно незнакомый съ состояніемъ женскаго гимназическаго образованія въ губернскихъ городахъ (вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія), — допускаетъ возможность существованія въ нихъ указанныхъ спеціалистомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія недостатковъ, но, по отношенію къ ввѣреннымъ ему гимназіямъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, — фактически доказалъ полную непримѣнимость къ нимъ приведенныхъ указаній на печальныя условія и рекомендовалъ губернскія гимназіи вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія преобразовать по примѣру гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

По поводу занесеннаго въ проектъ доклада мнѣнія о выработкѣ для среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній программы, одинаковой съ программами мужскихъ гимназій, Осининъ заявляетъ, что это крайне не состоятельно и невѣрно и что женское образованіе, во всякомъ случаѣ, должно оставаться женскимъ, т. е. соотвѣтствующимъ природнымъ силамъ и потребностямъ женщины, равно какъ и ея семейному и общественному положенію. По указанію Ивана Терентьевича, о тожествѣ программъ женскихъ и мужскихъ гимназій никогда въ образованномъ мірѣ не было и рѣчи, да и не можетъ быть рѣчи, безъ совершеннаго искаженія всѣхъ основъ разумнаго воспитанія. Опытъ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ въ Москвѣ ничего не доказываетъ по своимъ микроскопическимъ результатамъ. Вообще же дѣло введенія въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія преподаванія латинскаго языка или принятіе такихъ заведеній, какъ гимназія г-жи Фишеръ, на содержаніе казны — всецѣло зависитъ отъ министерства и къ занятіямъ комиссіи не имѣетъ никакого отношенія. Въ исправленіе фразы проекта доклада, будто учебный планъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія признанъ „весьма удовлетворительнымъ“ (чего, на

самомъ дѣлѣ, не было высказано),— Осипинъ заявилъ свое мнѣніе, что означенный планъ весьма неудовлетворителенъ, и приводитъ рядъ неопровержимыхъ для этого данныхъ.

По отношенію къ изложенному въ докладѣ проекту высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній (что и составляло единственную задачу комиссіи), почтенный педагогъ сдѣлалъ цѣнныя, хотя и немногія, замѣчанія, изъ которыхъ важнѣйшія сводятся къ слѣдующему:

1) докладъ несправедливо отождествляетъ высшее женское образованіе съ университетскимъ, въ нарушеніе соображенія о природныхъ силахъ и способностяхъ женщины.

2) вполнѣ сознавая громадное формальное значеніе древнихъ классическихъ языковъ, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ умственныхъ силъ мальчика 10 — 11 лѣтняго возраста, онъ находитъ, что преподаваніе латинскаго языка взрослымъ, уже сложившимся умственно дѣвицамъ и дамамъ (мысль одного члена комиссіи) — совершенно безцѣльно и даже вредно; тѣмъ болѣе, что и по словамъ злополучнаго доклада введеніе преподаванія древнихъ языковъ для женщинъ нужно только, чтобы предъявить женщинамъ, для пріобрѣтенія правъ учительницъ, тѣ-же внѣшнія требованія, которыя существуютъ для мужчинъ. „Но, спрашивается",—съ горькимъ остроуміемъ замѣчаетъ просвѣщенный поборникъ образованія, — „стоитъ-ли дѣло того, чтобы казнѣ тратить на это ежегодно свыше 60,000 рублей?"

Что касается до изложенныхъ въ докладѣ отъ имени комиссіи сужденій одного изъ ея членовъ о существующихъ при Александровской женской гимназіи педагогическихъ курсахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи,—дошедшихъ даже до требованія низведенія ихъ на степень педагогическихъ классовъ, устроенныхъ при нѣкоторыхъ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія,— то почтенный педагогъ не счелъ нужнымъ даже и входить въ разборъ данныхъ, голословно высказанныхъ и неправильно внесенныхъ въ докладъ сужденій одного изъ членовъ, а ограничился общимъ замѣчаніемъ, что обсужденіе вопроса объ означенныхъ педагогическихъ курсахъ, почти лично имъ созданныхъ и 7 лѣтъ веденныхъ, — не входитъ въ задачу комиссіи, и ему неудобно быть ни ихъ защитникомъ, ни судьей.

Тѣмъ не менѣе, въ интересѣ дѣла, И. Т. Осипинъ счелъ

нужнымъ указать на допущенныя въ продиктованномъ докладѣ искаженія вопроса, а равно и на невѣрныя и голословныя о нихъ заключенія, а именно:

1) Педагогическіе курсы вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи не даютъ никакихъ новыхъ правъ сравнительно съ тѣми, которыя пріобрѣли ученицы гимназіи до ихъ поступленія на курсы.

2) Педагогическіе курсы, тѣмъ не менѣе, требуютъ отъ ученицъ серьезнаго труда.

3) По 2—3 лекціямъ и то не по главнымъ предметамъ, отрывочно прослушаннымъ однимъ изъ чиновъ министерства народнаго просвѣщенія и по одному изъ сочиненій ученицы—нельзя составить сколько-нибудь вѣрное и основательное сужденіе о сложномъ и многостороннемъ учебномъ учрежденіи.

4) Требованіе закрыть педагогическіе курсы вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, чтобы избавить проектируемыя высшія учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія отъ конкурренціи,—весьма странно.

Замѣчательны по своей неопровержимости и вынужденному остроумію заключительныя соображенія И. Т. Осинина:

„Одно изъ двухъ: либо вновь проектированное заведеніе при огромныхъ, потребныхъ на его содержаніе, суммахъ, дѣйствительно, согласно поставленной для комиссіи задачѣ, соотвѣтствуетъ законной потребности женщинъ въ высшемъ образованіи, и тогда, конечно, не имѣетъ никакого повода опасаться конкурренціи со стороны педагогическихъ курсовъ, съ ихъ весьма скромными силами, средствами (педагогическіе курсы стоютъ казнѣ меньше 3.000 рублей въ годъ) и задачами; либо новое заведеніе по предположенной для него учебной организаціи не соотвѣтствуетъ современнымъ нуждамъ общества и не можетъ расчитывать на успѣхъ при свободной, общественной конкурренціи съ другими разсадниками женскаго образованія,—но тогда—зачѣмъ же рекрутировать для него ученицъ чрезъ закрытіе другихъ путей къ образованію, зачѣмъ тратить на него казенныя средства, зачѣмъ, наконецъ, учреждать?“

Несмотря на несомнѣнное пораженіе и въ нравственномъ, и въ логическомъ, и формально-юридическомъ отношеніи, рьяный членъ комиссіи, занесшій свои нелѣпыя сужденія и клевету въ проектъ журнала комиссіи, не угомонился. Пользуясь своимъ авторитетнымъ положеніемъ,

въ самую темную и тяжелую эпоху жизни нашихъ учебныхъ заведеній, во время враждебнаго истинному просвѣщенію управленія министерствомъ, — предъявилъ въ ту же комиссію объяснительную записку по поводу своего двукратнаго посѣщенія ненавистныхъ ему педагогическихъ курсовъ. Въ этой запискѣ, какъ обозначено въ послѣдовавшихъ затѣмъ замѣчаніяхъ Н. Т. Осинина, представленъ рядъ весьма тяжкихъ обвиненій противъ курсовъ при Александровской женской гимназіи. Приглашенный лично Н. Т. Осининымъ, къ посѣщенію курсовъ, этотъ членъ опять, въ нарушеніе Высочайше поставленной для комиссіи задачи, внесъ въ нее указанную объяснительную записку, хотя комиссіи вовсе и не слѣдовало обсуждать вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ женскихъ педагогическихъ курсовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Н. Т. Осининъ указываетъ прежде всего, что цѣль педагогическихъ курсовъ при женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи опредѣлена § 28 Высочайше утвержденнаго устава женскихъ гимназій вѣдомства: „въ этихъ курсахъ дѣвицы, окончившія общій курсъ образованія и предназначающія себя къ наставнической дѣятельности,—должны получать спеціально-педагогическое образованіе“. Эту цѣль и выполняли курсы подъ руководствомъ Осинина и вѣдѣніемъ главнаго управленія вѣдомства. Для выполненія этой цѣли всегда приглашались лучшія педагогическія силы столицы и, въ періодъ посѣщенія курсовъ членомъ комиссіи, онъ нашелъ педагогическій персоналъ столь удовлетворительнымъ, что хвалилъ всѣхъ, и даже о двухъ извѣстныхъ педагогахъ О. и П.,—на которыхъ особенно напалъ за ихъ дѣятельность на курсахъ,— въ общемъ отозвался, какъ о достойныхъ преподавателяхъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но этотъ членъ сдѣлалъ нападеніе на самую „систему, которая, будто бы, заставляетъ преподавателей не серьезно относиться къ такому серьезному дѣлу“, и добавляетъ: „корень зла скрывается въ ошибочномъ предположеніи, будто бы для женщинъ существуютъ иные пути къ образованію, чѣмъ для мужчинъ“. Онъ призналъ, что эти курсы „умственно растлѣваютъ воспитанницъ; существованіе ихъ истинно-пагубнымъ и упраздненіе ихъ въ возможно скоромъ времени рѣшительно необходимымъ“. Совершенно неознакомленный съ организаціей женскихъ курсовъ, членъ комиссіи, помимо клеветы, проявилъ и ке-

мическое невѣжество относительно общаго строя этого учебнаго заведенія, на что и приведены подробныя указанія въ возраженіи Осипова; при чемъ даже въ похвалахъ своихъ нѣкоторымъ преподавателямъ курсовъ врагъ ихъ ставилъ самъ себя въ противорѣчіе съ своими же сужденіями.

Но особенно этотъ членъ комиссіи проявилъ свое педагогическое невѣжество, на-ряду съ злобною клеветою, въ сужденіяхъ о преподаваніи на курсахъ географіи и русской словесности; обвинялись преподаватели въ проведеніи матеріалистическихъ—нигилистическихъ началъ, а равно и въ безбожіи.

Результатомъ благородной защиты истинныхъ интересовъ женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ явилось то, что проектированныя врагомъ такого образованія школы и высшіе для женщинъ курсы, основанные на изученіи древнихъ языковъ, не были открыты, а педагогическіе курсы при Александровской женской гимназіи, при той же организаціи, процвѣтаютъ и до сихъ поръ, къ чести вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Продолжаемъ очеркъ развитія женскихъ курсовъ. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ единичныхъ уклоненій курсистокъ отъ правильнаго пути въ жизненномъ отношеніи и ихъ политическихъ увлеченій, эти единичныя, какъ это часто у насъ бываетъ, явленія были обобщены, и самыя заблужденія, безъ изслѣдованія ихъ первоначальнаго источника, приписаны вліянію курсовъ, не безъ сознательнаго давленія со стороны враговъ женскаго образованія. И вотъ, въ 1882 году, прекращенъ былъ пріемъ слушательницъ и учреждена была коммиссія для пересмотра положенія о Высшихъ женскихъ курсахъ. Ходатайство лучшихъ защитниковъ женскаго образованія передъ великодушнымъ Монархомъ имѣло успѣхъ и въ 1889 году Спб. Высшіе женскіе курсы были вновь открыты на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Въ Москвѣ курсы содержались въ 1868 году на средства частныхъ лицъ: это такъ называемые „Лубянскіе женскіе курсы" при 2-й мужской гимназіи (на Лубянкѣ); сперва они были учреждены по программѣ мужскихъ гимназій, а съ 1888 года съ правильною программою Высшихъ женскихъ курсовъ, съ двумя отдѣленіями: физико-математическимъ и естественнымъ.

Затѣмъ, въ Москвѣ открылись курсы профессора Герье

съ болѣе широкой программой по всеобщей исторіи и словесности. Потомъ стали открываться такіе курсы въ Казани, Кіевѣ и другихъ университетскихъ городахъ.

Большинство окончившихъ Высшіе женскіе курсы нашли себѣ занятія въ городскихъ и земскихъ школахъ, въ техническихъ и профессіональныхъ школахъ, въ женскихъ учительскихъ семинаріяхъ; многія получали мѣста учительницъ женскихъ гимназій; нѣкоторыя—мѣста начальницъ прогимназій и затѣмъ гимназій; нѣкоторыя же открывали свои собственныя учебныя заведенія; очень многія занимались частными уроками и воспитаніемъ дѣтей; были даже преподавательницы въ Америкѣ и въ Іерусалимѣ.

Но особенно важнымъ и необходимымъ было примѣненіе женскаго образованія къ дѣлу врачебному и послѣдствія заботъ объ этомъ со стороны правительства, общества и лучшихъ русскихъ людей дали самые благопріятные результаты.

Медицинская дѣятельность женщинъ беретъ начало и въ народныхъ взглядахъ и привычкахъ и въ историческомъ прошломъ. Деревенскія старухи-знахарки, хотя и мѣшали лѣченіе съ колдовствомъ,—но онѣ знали цѣлебныя свойства травъ и создали цѣлую фармакопею.

Наши помѣщицы всегда отличались готовностью помогать больнымъ крестьянамъ и крестьянкамъ, лѣчили ихъ, какъ умѣли, и пользовались полнымъ довѣріемъ.

Правительство, еще съ начала половины XVIII столѣтія, признало медицинскую дѣятельность женщинъ за существенную потребность общества, что и выразилось учрежденіемъ соотвѣтствующихъ профессіональныхъ школъ.

Въ 1757 году, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, медицинская канцелярія предписала докторамъ и акушерамъ читать „цѣлый коллегіумъ о бабичьемъ дѣлѣ бабкамъ и ученицамъ ихъ того же города“, съ анатоміею половыхъ органовъ на трупахъ, съ изложеніемъ ихъ неправильнаго устройства и болѣзней, съ ученіемъ о правильныхъ и неправильныхъ родахъ. Въ Москвѣ учреждено было подготовительное училище повивальныхъ бабокъ и, по закрытіи его въ 1797 году,—императрица Марія Ѳеодоровна учредила для повивальныхъ бабокъ „Повивальный институтъ“, который въ 1828 году былъ принятъ въ вѣдѣніе правительства.

Извѣстный сподвижникъ лучшихъ предначертаній Ека-

терины Великой, И. И. Бецкій позаботился о томъ, чтобы установить правильный уходъ за беременными женщинами и организовать разумную врачебную помощь для роженицъ. Изучивъ заграницею уставы повивальныхъ училищъ, онъ препроводилъ въ опекунскій совѣтъ анонимное письмо отъ неизвѣстнаго автора, въ которомъ послѣдній, во имя человѣколюбія, умоляетъ опекунскій совѣтъ учредить при родильномъ госпиталѣ училище для обученія „искусству повивальныхъ бабокъ“ и, по принятіи предложенія,—внесъ отъ того же неизвѣстнаго капиталъ въ 36.115 рублей для открытія повивальнаго института.

Извѣстный своимъ высокимъ образованіемъ, бывшій военный министръ графъ Д. А. Милютинъ глубоко сознавалъ ту громадную пользу, какую можетъ принести женщина нашему отечеству на медицинскомъ поприщѣ. Съ его дозволенія, въ 1869 году, выработанъ былъ проектъ отдѣльнаго женскаго курса при медико-хирургической академіи. Этотъ проектъ, составленный главнымъ медицинскимъ инспекторомъ Н. И. Козловымъ, при участіи и содѣйствіи профессоровъ: М. М. Руднева, В. М. Тарновскаго, Н. Ѳ. Здекауера и А. Я. Красовскаго, представляетъ рядъ неопровержимыхъ положеній въ пользу допущенія женщинъ къ слушанію полнаго медицинскаго курса.

Со времени учрежденія первыхъ акушерскихъ курсовъ въ 1757 году, въ обществѣ быстро увеличивался спросъ на повивальныхъ бабокъ, но образованіе ихъ не совершенствовалось соотвѣтственно времени и общественной потребности; оно оставалось, по преимуществу, направленнымъ къ пріученію бабокъ подавать женщинамъ обыкновенную механическую помощь и то лишь при правильныхъ родахъ. Только въ концѣ 60-хъ годовъ XIX в. въ нѣкоторыхъ повивальныхъ учрежденіяхъ введено было въ программу преподаваніе фармакологіи, краткая анатомія, гигіена, малая хирургія и ознакомленіе бабокъ съ болѣзнями родильницъ и новорожденныхъ, но все это въ очень ограниченномъ размѣрѣ и, притомъ, безъ надлежащей подготовки въ физикѣ, химіи, физіологіи и патологіи. Необходимость строго-научнаго и всесторонняго медицинскаго образованія въ проектѣ доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что отсутствіе его противодѣйствуетъ благимъ указаніямъ законодательства. Безъ разумной помощи акушерокъ огромный процентъ новорожденныхъ умираетъ преждевременно и

народонаселеніе увеличивается крайне медленно. Акушерки, не имѣющія основательнаго врачебнаго образованія, не могутъ быть компетентными экспертами, по требованію судебныхъ учрежденій. Кромѣ того, законодательство наше требуетъ, чтобы повивальная бабка, при опасномъ положеніи роженицы, немедленно посылала за акушеромъ или врачемъ, сама же она не должна браться за операцію, хотя бы отъ этого зависѣла жизнь двухъ существъ. Но врачей и особенно акушеровъ, за исключеніемъ большихъ городовъ, такъ мало, что расчитывать на ихъ помощь не всегда возможно.

Самъ же вопросъ о способности женщины къ серьезному образованію давно уже поставленъ внѣ спора не только за границею, но и въ нашемъ отечествѣ.

Въ заключеніи проектъ исчисляетъ тѣ неоспоримыя выгоды, которыя воспослѣдуютъ отъ осуществленія этой мѣры: 1) жизнь матерей и новорожденныхъ будетъ въ Россіи болѣе обезпечена; 2) женщины, не только низшаго, но и всѣхъ прочихъ классовъ, предпочитающія, въ извѣстныхъ случаяхъ, вовсе не лѣчиться, чѣмъ обращаться за совѣтомъ къ врачу, получатъ разумную медицинскую помощь отъ ученой акушерки; 3) въ народъ проникнетъ разумная гигіена для сбереженія жизни людей, погибающихъ жертвами предразсудковъ и дурныхъ санитарныхъ условій, а если эти мѣры, добавляетъ проектъ, хотя на $^1/_{10}$ процента уменьшатъ у насъ ужасающую смертность молодыхъ женщинъ и дѣтей, то въ первыя 10 или 20 лѣтъ окажется огромная прибыль народонаселенія; 4) крайне ограниченный у насъ контингентъ акушеровъ будетъ обновляться новыми силами со спеціальной подготовкой; 5) распространеніе между женщинами общеврачебнаго образованія дастъ въ нихъ государству значительный контингентъ образованныхъ помощницъ врачамъ, для ухода за больными и ранеными во время войны, гдѣ наибольшая убыль людей зависитъ не столько отъ непріятельскаго оружія, сколько отъ повальныхъ болѣзней; 6) дать возможность женщинамъ приготовлять себя для полезныхъ занятій въ аптекахъ, гдѣ онѣ съ пользою могутъ замѣнять мужскія силы, необходимыя для другихъ потребностей государства и, наконецъ, 7) значительному числу женщинъ откроетъ новый путь къ честному полезному труду.

Силою своихъ доводовъ проектъ этотъ достигъ одобре-

нія медицинскаго совѣта и вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію врачебнаго курса при медико-хирургической академіи и медицинскихъ факультетахъ, если то дозволятъ мѣстныя средства, былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Укрѣпившееся въ обществѣ сознаніе необходимости правильнаго врачебнаго обученія женщинъ содѣйствовало тому, что денежныя средства на учрежденіе курса въ скоромъ времени представились: дочь полковника Родственнаго, (Лидія), пожертвовала на устройство его при медико-хирургической академіи 50 тысячъ руб. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „открыть при Императорской медико-хирургической академіи, въ видѣ опыта, особый 4-годичный курсъ, для образованія ученыхъ акушерокъ, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе его расхода на проценты съ частнаго, пожертвованнаго на этотъ предметъ, капитала въ 50 тысячъ руб. и на плату со слушательницъ за право слушанія лекцій и пользованія учебно-вспомогательными учрежденіями академіи“. Преподаваніе распредѣлено преимущественно между профессорами академіи, за что они получали изъ спеціальныхъ средствъ, назначенныхъ собственно на содержаніе женскаго курса, особое вознагражденіе: читающіе по двѣ лекціи въ недѣлю и болѣе, въ одномъ курсѣ получаютъ 700 руб.; въ двухъ—1400 руб.

Въ 1876—1877 г. медицинскіе курсы были перемѣщены въ Николаевскій военный госпиталь. Средства курсовъ составляли на первое время проценты съ пожертвованнаго г-жею Родственной капитала въ 50.000 руб. и съ другихъ частныхъ же пожертвованій, а на текущіе расходы г-жа Родственная внесла еще 50.000 руб.

Въ 1877 году военное министерство ассигновало по 8.200 рублей въ годъ и выдало 13.000 р. въ видѣ единовременнаго пособія. За четырехлѣтіе (1877 — 1881 гг.) ежегодный доходъ былъ отъ 35 до 44 тысячъ, а расходъ отъ 32 до 44 тысячъ рублей.

Въ 1879 году женщины получили разрѣшеніе занимать мѣста врачей въ городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Окончившія въ 1877 году курсъ женщины-врачи, кромѣ Николаевскаго госпиталя и другихъ госпиталей военнаго вѣдомства, заняли мѣста въ Петербургѣ—въ Надеждинскомъ, Маріинскомъ и Рождественскомъ родовспомогательныхъ заведеніяхъ; въ Москвѣ—при

родовспомогательномъ заведеніи Воспитательнаго дома; въ Саратовѣ—при городской больницѣ; въ Казани и въ Кіевѣ при университетскихъ клиникахъ; въ Витебскѣ — при городской больницѣ. Въ Петербургѣ за восьмидесятые годы ординарными врачами состояло 17 женщинъ. Въ частной практикѣ особенную извѣстность пріобрѣли г-жа Суслова, Тамбовская, Заволжская, Павловская, Маняровская, Тарновская, Волкова и Штофъ; г-жа Бальбертъ извѣстна какъ хорошій хирургъ; г-жа Бестужева составила себѣ имя во время послѣдней войны и ветлянской чумы; г-жа Буховцева обогатила медицинскую литературу своимъ сочиненіемъ „Совѣтъ матерямъ", г-жа Кошеварева-Руднева (докторъ медицины) дала русской женщинѣ доступную ей „Гигіену женскаго организма". Значительное число женщинъ-врачей ушло на служеніе земству. Кромѣ земскихъ и городскихъ учрежденій многія женщины-врачи занимали и занимаютъ мѣста ассистентокъ при болѣе или менѣе извѣстныхъ петербургскихъ профессорахъ и врачахъ: Рауфусѣ, Величковскомъ, Руссовѣ, Чечотѣ, Головинѣ и многихъ другихъ. Женскія учебныя заведенія также немыслимы безъ женщины-врача, какъ и безъ женщины-начальницы и женщинъ-надзирательницъ.

Мать и няньку въ жизни общества, начальницу и женщину-врача въ женскихъ заведеніяхъ мужчина замѣнить не можетъ. Если „мужчина-врачъ" иногда еще можетъ добиться довѣрія у мальчиковъ, то онъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать у дѣвочекъ. Стыдливость дѣвочекъ (а, вѣдь, эту стыдливость надо щадить) такъ велика, а въ извѣстные годы, когда у нихъ являются процессы въ высшей степени важные для всей будущности женщины, стыдливость эта возрастаетъ до такой степени, что расчитывать на возможность полнаго довѣрія между мужчиной-врачемъ и дѣвочками было бы тщетной надеждой. Пусть каждая женщина оглянется на самое себя, а еще лучше на свое прошлое и вспомнитъ свои юношескіе годы. Пусть она вспомнитъ, какъ все тогда волновало—простое появленіе посторонняго лица, приходъ учителя и проч. Въ обществѣ твердо держится убѣжденіе, что естественное призваніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женою и матерью. Убѣжденіемъ этимъ проникнуты и женскія учебныя заведенія, которыя должны помогать семьямъ въ дѣлѣ образованія и воспитанія дѣвушекъ. Что

же дѣлается съ медицинской точки зрѣнія въ этихъ заведеніяхъ? Къ сожалѣнію ничего или почти ничего. Заведеніе игнорируетъ или почти ничего не знаетъ о времени полового развитія дѣвочки, оно нисколько не думаетъ о томъ, что время перехода дѣвочки въ женщину есть именно та эпоха, отъ которой зависитъ все ея будущее благосостояніе и продолжаетъ спокойно нагружать дѣвочку уроками, какъ будто бы только они одни необходимы для будущей жены и матери.

Затѣмъ, дѣятельность женщинъ-врачей на войнѣ является, какъ показалъ опытъ, чрезвычайно полезною и необходимою для облегченія бѣдствій, причиняемыхъ лучшимъ сынамъ отечества. Въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 г.г. чувствовался большой недостатокъ во врачахъ и хирургахъ, и 28 студентокъ старшихъ курсовъ, по приглашенію правительства, отправляли обязанности врачей и заслужили полнѣйшую признательность со стороны раненыхъ, всего медицинскаго персонала и правительства, за свою полезную и самоотверженную дѣятельность.

Кромѣ медицинскаго образованія сказывается потребность въ предоставленіи русскимъ женщинамъ профессіональнаго образованія и въ другихъ его отрасляхъ. Такъ при современномъ положеніи сельскаго хозяйства и матеріальныхъ условіяхъ быта многихъ землевладѣльцевъ, частновладѣльческое хозяйство, въ видахъ своего упроченія, должно стремиться къ такой организаціи, при которой оно составляло бы одно экономическое цѣлое съ окружающимъ его крестьянскимъ хозяйствомъ. Поэтому спросъ на интеллигентныя силы съ сельско-хозяйственнымъ образованіемъ, для улучшенія положенія нашего сельскаго хозяйства, громаденъ. Русская интеллигентная женщина, даже безъ „сельско-хозяйственнаго образованія“ а съ однимъ лишь „сельско-хозяйственнымъ воспитаніемъ“ вела и ведетъ во многихъ случаяхъ съ большимъ преуспѣваніемъ хозяйство. Если же женщинѣ будетъ дано правильное сельскохозяйственное образованіе, то безошибочно можно предугадать, что женщина и здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ науки и промышленности, окажетъ благотворное вліяніе раціональнымъ примѣненіемъ и труда, и знанія въ сельскомъ хозяйствѣ.

Мы сказали уже, что возникновенію у насъ высшаго женскаго образованія, для удовлетворенія стремленія къ

нему многихъ русскихъ женщинъ, главнымъ образомъ способствовали заботы Правительства объ отвлеченіи нашихъ женщинъ отъ заграничныхъ университетовъ и другихъ высшихъ школъ. Здѣсь своевременно указать и на то, что, не смотря на сильнѣйшее въ обскурантныхъ кругахъ негодованіе, которымъ было встрѣчено это стремленіе и которымъ сопровождалось энергическое, со стороны женщинъ, удовлетвореніе его заграницей,—на самомъ дѣлѣ, за самыми рѣдкими исключеніями, наши женщины честно исполняли заграницею свое влеченіе къ научному просвѣщенію.

Швейцарское правительство, прежде другихъ, гостепріимно открыло для женщинъ двери своихъ университетовъ и въ первое же время, именно вслѣдствіе полнаго отсутствія къ удовлетворенію потребности высшаго научнаго образованія въ своемъ отечествѣ, особенно сильный наплывъ учащихся въ Цюрихскомъ университетѣ былъ изъ русскихъ женщинъ. Въ 1-й же годъ изъ 48 женщинъ, поступившихъ въ Цюрихскій университетъ было 44 русскихъ. Въ 1872 г. общее число студентокъ Цюрихскаго университета было 109, изъ нихъ—54 русскихъ. Затѣмъ, съ учрежденіемъ въ 1872 году Высшихъ женскихъ курсовъ, число русскихъ студентокъ въ „западныхъ“ университетахъ значительно уменьшилось. Въ 1867 году окончила курсъ Цюрихскаго университета первая поступившая туда русская женщина г-жа Суслова и, удостоенная диплома доктора медицины, по возвращеніи въ Россію, получила, въ видѣ исключенія, право заниматься медицинскою практикою. Кромѣ Цюрихскаго университета, русскія женщины, сдавъ весьма трудный пріемный экзаменъ, поступали полноправными слушательницами въ Цюрихскій политехникумъ и, также какъ и въ университетѣ, отлично оканчивали курсъ. Временное прекращеніе доступа женщинъ къ высшему образованію въ Россіи вызвало вновь движеніе русскихъ въ заграничные университеты. Кромѣ Цюрихскаго университета, русскія женщины получали университетское образованіе въ Парижѣ, Гельсингфорсѣ и с. Америкѣ, преимущественно изъ среды достаточной и владѣвшія, въ совершенствѣ, иностранными языками.

Въ заграничныхъ журналахъ такого типа, которыхъ никто не могъ-бы упрекнуть въ недостаткѣ, такъ называемой „благонамѣренности“ (напр. Sachsische Arbeits-Zeitung),—по поводу наплыва въ заграничные университеты русскихъ

женщинъ, высказывались самы лестныя сужденія объ ихъ отношеніи къ наукѣ и о скромной жизни, соотвѣтствующей исполняемому ими высокому призванію.

Нашъ очеркъ, посильно составленный на основаніи самаго внимательнаго изученія дѣла образованія женщинъ вообще, и русскихъ въ особенности и при содѣйствіи лучшихъ работъ по этому вопросу,—мы заканчиваемъ искреннимъ пожеланіемъ дальнѣйшаго процвѣтанія женскаго образованія въ Россіи, въ оправданіе неусыпныхъ о томъ заботъ правительства, при полномъ сочувствіи лучшихъ силъ общества и литературы, и въ удовлетвореніе живой потребности нуждъ народныхъ, общественныхъ и государственныхъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Аріанъ. Женскій календарь 1899—1902 гг. Абрамовъ, Я. Женскіе врачебные курсы. (Спб., 1886). Агаевъ Женщина по исламу въ исламѣ. (Тифлисъ, 1901). Астафьевъ. Психическій миръ женщины, его особенности, превосходство и недостатки (Москва. 1899). Бюхнеръ. Мозгъ женщины. (Спб., 1900). Библіоманъ, М. Историческіе этюды о женщинѣ. (Спб., 1867). Блэкъ. Женщины-медики. (Спб., 1873). Бебель, А. Женщина настоящаго, прошлаго и будущаго. (Лондонъ, 1895). Батюшковъ. Женскіе типы Расина. (Спб., 1897). Бюхнеръ. Луиза. Призваніе женщины и ея воспитаніе. (Спб., 1857). Бюхеръ. Женскій вопросъ. (Одесса, 1896) Бемертъ. Университетское образованіе женщины. (Спб. 1873). Брандтъ. Современная женщина. ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. (Спб., 1896). Безобразовъ. П. О современномъ положеніи женщины. (Москва, 1893). Буа. Женщина будущаго. (Кіевъ, 1897). Безобразовъ П. О правахъ женщины. Безобразовъ. Назначеніе женщины. Бокль. О вліяніи женщинъ на успѣхи знаній. (1864 г.) Вундтъ Душа женщины. (Спб., 1892). Волкова, М. Женское движеніе въ разныхъ странахъ. (Спб. 1900). Герцоги, Морицъ. Женщина. (Москва, 1895). Грай. Значеніе женщины въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. (Москва 1895 г.) Даркшевичъ, Л. Объ интеллектуальной сферѣ женщины (Москва, 1895). Дрентельнъ Е. О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Москва. 1897). Добряковъ. Александръ. Русская женщина въ домонгольскій періодъ. (Спб., 1864). Дауль. Женскій трудъ. (Спб., 1869). Державинъ. Доблестная жена по Соломону. (Москва, 1868). Д'Истріа. Женщина о женщинахъ. (Спб., 1866). «Женское образованіе». (Журналъ 1876, 1877, 1878 г.г.) «Женскій вѣстникъ» (журналъ 1866, 1867, 1868 гг.) Женское дѣло (журналъ 1899 и 1900 г.г.) Жанс Поль. Воспитаніе женщинъ во Франціи. (Спб. 1884). Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ. (Москва, 1872). Зиберъ. Первобытная культура. (Москва. 1883). Захаровъ. Женщина и ея увлеченія. (Спб., 1876). Записки доброй матери. (Спб., 1857). Зыбина, А. Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. (Москва. 1870), Зинченко Н.. Женщина адвокатъ. (Спб. 1899 г., изд. 2). Златковскій. Женское спеціальное образованіе въ С.-Петербургѣ. (Спб., 1875). Иконниковъ Опытъ русской исторіографіи. 2 т. (Кіевъ 1892). Иверсенъ. Женскія ремесленныя профессіональныя школы во Франціи, Бельгіи, Австро-Венгріи и Германіи. К. В. Женщина. (Спб. 1896 г.). Крепацъ. Опасныя стороны полной женской эманципаціи. (Москва, 1893). Клаесовскій. Замѣтки о женщинѣ и ея воспитаніи. (Спб., 1874). Каутскій. Возникновеніе брака и семьи. (Спб., 1895). Ковалевскій М. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. (Спб., 1895). Кечеджи-Шаповаловъ М.. Женское движеніе въ Россіи и заграницею. (Спб., 1902 г.). Конторовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. (Спб., 1895). Кудашева Е.,

Умственныя способности женщины. (Екатер., 1897). Кангеревъ. Душевныя свойства женщинъ. (Спб, 1895). К. В. Женщина какъ залогъ прочной жизни націи. Д. Л—д—ъ. Мужчина и женщина. (Спб., 1865). Катковъ. М. О женскомъ образованіи. (Москва, 1897). Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. (1894). Кулишеръ. М. Разводъ и положеніе женщины. (Спб., 1896). Краткая историческая записка о высшихъ женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. (Спб., 1896). Липпертъ. Исторія семьи. (Спб., 1897). Легуве. Исторія духовной жизни женщины. (Москва, 1896). Ломброзо. Геніальность и талантливость женщинъ. Лихачова, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. (3 тома Спб.), Женское движеніе за послѣднее десятилѣтіе. (Отеч. зап. Т. CCXLIX Отд. II). (Шагиди Реми) Лацарусъ Руоь Еврейская женщина. (Варшава, 1902 г.). Лухманова. Н. О положеніи незамужней дочери въ семьѣ. (Спб., 1896). Лурбе-Ж. Женщина предъ судомъ современной науки. (Спб., 1897). Левинсонъ-Лессингъ Ф. Проф. Женщины геологи (Спб. 1901). Лебедевъ. Объ эмансипаціи мусульманской женщины (Спб., 1900). Lombroso et Ferrero. Женщина-преступница и проститутка. (Кіевъ, 1897). Лазаревичъ. Дѣятельность женщинъ. (Харьковъ, 1883). Милль. Подчиненность женщины. (Спб., 1870). Мишле. Женщина. (Одесса, 1863). Михневичъ. Женщина XVIII-го столѣтія. (Кіевъ, 1895). Михайловъ П. Роль и значеніе первобытной женщины. (Спб., 1897). Мижуевъ. Женское образваніе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. (Спб., 1893). Мантегацца. Физіологія женщины. (Спб., 1894). Маргольмъ Лаура. Книга о женщинѣ. (Кіевъ, 1895). Мордовцевъ. Русскія историческія женщины. (до-петровской Руси и послѣ—петровской I т. и II т. (Спб., 1874). Его-же. Русскія женщины новаго времени (первой половины XVIII); Его-же. Русскія женщины новаго времени (вторай половины XVIII). Его-же. Русскія женщины новаго времени XIX вѣкъ. Моссо. М. М. О физическомъ воспитаніи женщины. (Спб., 1895). Надеждинъ. Право и значеніе женщины въ христіанствѣ. (Спб., 1873). Олеарій. О состояніи Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича. Оровичъ. Женщина въ правѣ. (Спб., 1895). Овцынъ В. Развитіе женскаго образованія (историч. очеркъ). (Спб., 1887). Отчеты о состояніи С.-Петербургскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ. и Отчеты Об-ва поощренія женскаго профессіональнаго образованія (за всѣ отчетные годы) Памятная книжка окончившихъ курсъ на СПб. Высшихъ женскихъ курсахъ 1882—1889 и 1893—1901 г. (Спб., 1901). Петри. Антропологія 2 т. (Спб., 1895—1897). Призваніе женщины. (Спб., 1840). Полонскій Л, Русская женщина на государственной и общественной службѣ. Плещеевъ. Женщина въ XVIII вѣкѣ. (Спб., 1888). Піотровская. Техническое женское образованіе. (Вильна, 1880). Пиллеръ. Итоги женскаго образованія въ Россіи и ея задачи. (Спб., 1888). Паргаминъ. Женщина съ медицинской точки зрѣнія. (Спб., 1898). Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи, I и II т. (Спб., 1899). Рагъ Элла. Женскій вопросъ. (Москва, 1898). Симонъ, Жюль. Работница въ Европѣ. (Спб., 1874). Соболевъ М. проф. Женскій трудъ въ народномъ хозяйствѣ XIX в. «Міръ Божій» (жур.) кн. 7, 1901 г. Соловьевъ. Исторія Россіи, 30 том. (Москв., 1851—1879). Стебутъ, П. А. Нуждается ли русская интеллигентная женщина въ спеціальномъ сельскохозяйственномъ образованіи? Снегиревъ. А. Задачи образованія въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ. Справочная книга по женскому профессіональному образованію въ Россіи. (Спб., 1898). Соловьевъ. В. Женскій вопросъ. (Русь). Стенсонъ. Ш. Женщины въ экономическомъ отношеніи. (Спб. 1902). Толмачевъ. Взаимныя обязанности христіанскихъ супруговъ. Спб., 1876). Фелингъ. Женщина, ея назначеніе, положеніе въ семьѣ и призваніе. (Кіевъ, 1893). Фенелонъ. О воспитаніи дѣвицъ. (Спб., 1894). Хиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. (Москва, 1895). Чудиновъ. Очеркъ исторіи русской женщины. (Спб., 1889). Шлоссеръ. Женщины французской революціи. (Спб., 1865). Швейгеръ-Лерхенфельдъ. Женщина. (Спб., 1882). Шашковъ. Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція. (Спб., 1872). Шашковъ. Женское дѣло въ Америкѣ. Шашковъ. Хроника женскаго дѣла. Шашковъ. Очеркъ исторіи русской женщины. (Спб., 1872). Шабанова, А. Воспоминаніе о женскомъ международномъ конгрессѣ въ Берлинѣ. Шерръ. Историческія женщины. (Спб., 1898). Щаповъ А. Положеніе женщины въ Россіи по до-петровскому воззрѣнію. Щаповъ. А. Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія рускаго народа. (Спб., 1870). Эллетъ. Американки XVIII вѣка. (Спб., 1871). Элиса Гевлокъ Мужчина и женщина (Спб., 1898). Ѳоминъ. Положеніе русской женщины въ семьѣ и обществѣ. (Москва, 1899). Авсѣенко В. Письма о женщинахъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ

В. Г. БѢЛИНСКАГО

подъ редакціей НИКОЛАЯ ЗИНЧЕНКО.

Въ 4 большихъ томахъ съ художественно исполненнымъ портретомъ Бѣлинскаго и его факсимиле (первое письмо къ невѣстѣ). Цѣна **за 4 большихъ тома 1 р. 50 к.** (съ пересылкой).

Въ роскошномъ англійскомъ переплетѣ **2 р.**

Одобрено Ученымъ Комитетомъ, (18 Сентября 1901 года), для ученическихъ, старшаго возраста, и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

4 томъ заключающій **„Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго“** подъ редакціей **Николая Зинченко** продается отдѣльно. Ц. **50 к.** съ пересылкою. Сумму можно высылать почтовыми марками.

№ 24683. Одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Н. Зинченко. В. Бѣлинскій. „Литература. Поэзія. Театръ“. Ц. **10** к.

№ 24683. 18 сентября 1901 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ для ученическихъ, старшаго возраста, и фундаментальныхъ библіотекъ учебныхъ заведеній Министерстга Народнаго Просвѣщенія.

Н. Зинченко. „Герценъ и Гончаровъ по Бѣлинскому“. Ц. **15** к.

Н. Зинченко. Россія и Китай, „Докладъ Об-ву для содѣйствія русской промышленности и торговли“ Цѣна **10** к.

Н. Зинченко. „Первое собраніе писемъ Бѣлинскаго“. Ц. **50** к.

Н. Зинченко. „Историческій очеркъ женскаго образованія въ Россіи“. Ц. **20** к.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ. „Афоризмы житейской мудрости“. Автобіографія. Переписка философа. Статьи: „Супружеская Вѣрность“. Честь половая, профессіональная и военная. „Нужна ли дуэль?“ Какъ работаютъ чиновники и др. ст. Переводъ безъ пропусковъ Н. Куликова и Левицкой-Рогаля.

Изданіе и редакція **Николая Зинченко.** Ц. **1 р. 50 к.**

Н. Зинченко. Н. В. Гоголь въ русской литературѣ. Ц. **10** к.

Н. Зинченко. Жуковскій и его воздѣйствіе на русскую литературу и жизнь. Ц. **20** к.

Адресъ для иногороднихъ:

СПБ. Книгоиздательство Николая Зинченко.

Дозв. ценз. Спб. 24 авг. 1902 г. Коммерч. Скороп. Лиг. 57.

2007099461